

Елена Петровна Блаватская.

Вся окруженная любовью и ненавистью партій,
Въ лѣтописяхъ міровой исторіи личность ея
грядетъ бессмертная.

Шиллеръ.

Г л а в а I.

Первый періодъ жизни Е. П. Блаватской.

Трудно себѣ представить что-либо необычайнѣе и несправедливѣе того упорнаго непониманія и даже враждебности, съ которыми русское образованное общество продолжаетъ относиться къ своей гениальной соотечественницѣ, Еленѣ Петровнѣ Блаватской.

Прошло уже 18 лѣтъ со дня ея смерти, а съ основанія ею Теософическаго Общества болѣе 30 лѣтъ, срокъ совершенно достаточный для того, чтобы вызвать серьезныя разслѣдованія относительно дѣятельности и трудовъ той русской женщины, которая боролась съ такой неукротимой силой противъ сковавшаго человѣческую мысль матеріализма, которая вдохновила столько благородныхъ умовъ и сумѣла создать духовное движеніе, продолжающее расти, развиваться и оказывать вліяніе на сознаніе современниковъ. Плоды ея дѣятельности на виду, и только по нимъ можно сдѣлать истинную оцѣнку Е. П. Блаватской: она первая обнародовала сокровенныя ученія, на которыхъ основаны всѣ религіи, и первая сдѣлала попытку дать религіозно-философскій синтезъ всѣхъ вѣковъ и народовъ; она вызвала возрожденіе древняго Востока и создала международный братскій Союзъ, въ основу котораго положено уваженіе къ человѣческой мысли, на какомъ бы языкѣ она не выражалась, широкая терпимость ко всѣмъ членамъ единой человѣческой семьи и стремленье воплотить не мечтательный, а конкрет-

ный идеализмъ, проникающій въ области жизни. Передъ такими идеями должна бы умолкнуть всякая вражда и возникнуть глубокой интересъ къ необычайнымъ силамъ той души, которая смогла дать такомогучій толчокъ человѣческой мысли. А между тѣмъ, имя Е. П. Блаватской продолжаетъ вызывать въ Россіи попрежнему одно недоверіе и до сихъ поръ не нашлось ни одного значительнаго голоса, чтобы сказать вѣсское слово въ пользу той, которая, по справедливости, должна быть славой и гордостью своей родины.

Изъ всѣхъ ея литературныхъ трудовъ, благодаря которымъ Западная Европа впервые познакомилась съ сокровенными ученьями древняго Востока, въ Россіи только въ прошломъ году явился первый переводъ ея „Голоса Безмолвія“, и до сихъ поръ ея литературное имя соединяется у насъ только съ очерками Индіи, которые, подъ названіемъ „Изъ пещеръ и дебрей Индостана“, печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, если не ошибаюсь, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. И все, что мнѣ удалось найти въ русской литературѣ по поводу Елены Петровны, ограничивается враждебнымъ памфлетомъ романиста Всеволода Соловьева „Разоблаченная жрица Изиды“, его же статьи противоположнаго характера въ „Ребусѣ“ за іюль 1884 г., да двухъ статей въ словарь Венгерова; одна изъ нихъ, изъ третьихъ рукъ составленная біографическая статья, не имѣющая никакой цѣнности, а другая—замѣтка Владиміра Соловьева, основанная на чистѣйшемъ недоразумѣніи, о которомъ рѣчь впереди. Если къ этому прибавить малоизвѣстный біографическій очеркъ ея родной сестры Вѣры Петровны Желиховской, напечатанный въ „Русскомъ Обзорѣніи“ въ 1891 г., ея же книгу, написанную въ отвѣтъ на упомянутый памфлетъ Всеволода Соловьева, „Е. П. Блаватская и современный жрецъ Истины“ и двѣ ея статьи въ „Ребусѣ“ за 1881—82 г.—вотъ и всѣ матеріалы на русскомъ языкѣ, касающіеся Е. П. Блаватской.

Несравненно пріятнѣе было бы совсѣмъ не касаться названной книги Всеволода Соловьева, которая отмѣчена такой печатью предательства, что, читая ее, становится неловко, словно самъ участвуешь въ очень нехорошемъ дѣлѣ. Но она сыграла слишкомъ роковую роль во мнѣніи русскаго общества относительно Е. П. Блаватской; бойко и ярко написанная, она многими была прочтена, и такъ какъ очерненную Елену Петровну на родинѣ совсѣмъ не знали, и защититься изъ могилы она не могла,—пущенная клевета обошла безпрепятственно всю Россію, и одни—изъ его книги, а другіе—по наслышкѣ отъ читавшихъ ту же книгу, стали утверждать, что Е. П. Блаватская—уличенная обманщица, и ученія ея, идущія изъ такого мутнаго источника, не могутъ быть чистыми. Но самое опасное въ этой дурной книгѣ то, что она опирается на „документы“. Благодаря этому, даже разборчивые

люди, возмущенные тономъ книги, все же подпадаютъ подъ ея вліяніе. Цѣнность главнаго документа,—„Отчета Общ-ва Психическихъ Изслѣдованій“ мы разберемъ позднѣе, а теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о пріемахъ Всеволода Соловьева. Чтобы напасть съ оскорбленьями на женщину, которая—по его же словамъ—относилась къ нему съ материнской лаской, онъ дождался ея смерти и, по странному недосмотру, издалъ свою статью въ Россіи и на русскомъ языкѣ, тогда какъ, по его же словамъ, похвальной цѣлью этой книги было—охранить довѣрчивыхъ людей отъ губительнаго вліянія Е. П. Блаватской. Поэтому нужно думать, что книга его назначалась не для русскихъ, которые совсѣмъ не знали Е. П. Б. и не могли даже пользоваться ея сочиненіями и по условіямъ тогдашней цензуры, и потому, что они были написаны на англійскомъ языкѣ,—а для тѣхъ, которые или уже подпали, или могли легко подпасть подъ ея губительное вліяніе, т. е. для англичанъ. Но этого мало: надѣясь, что его русская книга не дойдетъ до англичанъ, онъ сослался въ ней на двухъ живыхъ свидѣтелей, г-жу Куперъ—Ооклей и г-на Гебхарда, хорошо знавшихъ Елену Петровну; но онъ ошибся въ расчетѣ, и они утверждаютъ, что онъ сослался на нихъ ложно *). Въ виду этого, нужно съ большою осторожностью относиться и къ главному „документу“ его книги, т. е. къ письмамъ Е. П. Блаватской, большая часть которыхъ приведена безъ всякой даты. Что стоило, при такомъ безцеремонномъ отношеніи къ истинѣ, сдѣлать легкія измѣненія, которыя могли совершенно измѣнить смыслъ письма? Во всякомъ случаѣ всѣхъ, читавшихъ книгу Соловьева, убѣдительно прошу во имя справедливости къ русской женщинѣ, горячо любившей свою родину, и къ теософамъ всего міра, которымъ дорого ея имя, прочесть отвѣтъ В. П. Желиховской „Е. П. Блаватская и современный жрецъ Истины“ и книгу А. Безантъ: „*H. P. Blavatsky and the Masters of Wisdom*“. Последняя книга—подробное, подкрѣпленное многочисленными живыми свидѣтелями разслѣдованье на мѣстѣ, т. е. въ Адьярѣ, надѣлавшаго когда то много шума слѣдствія г-на Ходжсона, напечатаннаго въ отчетѣ Общества для Психическихъ Изслѣдованій.

Когда мнѣ пришлось впервые познакомиться съ Теософіей, а затѣмъ и съ главнымъ трудомъ Е. П. Блаватской *The Secret Doctrine*, меня сразу поразило полное несоотвѣтствіе между развернувшейся передо мной большой величиной и тѣмъ—до странности неподходящимъ представленіемъ, которое упорно сохраняется въ русскомъ обществѣ, какъ относительно самого теософическаго движенія, такъ и

*) Желающіе получить подтвержденіе сказанному—могутъ обратиться къ г-жѣ Куперъ—Ооклей черезъ редакцію журнала „Вѣстникъ Теософіи“, С.-Петербургъ, Кабинетская, № 7.

относительно его создательницы. Это вызвало во мнѣ рѣшимость, какъ можно основательнѣе познакомиться съ ея жизнью и трудами и выяснить, насколько возможно, истинный образъ той, которая съумѣла вызвать къ себѣ всѣ оттѣнки человѣческихъ чувствъ, отъ обожанія до ненависти, отъ глубокаго почитанія до презрительной насмѣшки включительно. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ и мнѣ не только удалось познакомиться приблизительно со всѣмъ, что было написано о ней, но и лично узнать наиболѣе значительныхъ изъ ея учениковъ, какъ А. Безантъ, Джоржъ Мидъ, г-жа Куперъ-Ооклей, Бертрамъ Китлей, Гюббе-Шлейденъ и др. Одновременно съ этимъ я продолжала изучать ея сочиненія и многочисленныя комментаріи къ ея Тайной Доктринѣ, изъ которыхъ образовалась обширная литература на трехъ европейскихъ языкахъ. И чѣмъ болѣе я знакомилась со всѣми матерьялами, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что для истинной біографіи Е. П. Блаватской, которая передала бы ея *вѣрный образъ*, время еще не пришло. Ея необыкновенная психическая организація, проявлявшая такія силы, которыя у огромнаго большинства людей находятся еще въ скрытомъ состояніи,—настолько опередила типъ современнаго интеллигентнаго человѣка, что разгадать ее вполнѣ и безошибочно опредѣлить ея свойства будетъ въ состояніи лишь психологія будущаго. Исторія говоритъ, что и прежде появлялись отъ времени до времени люди, одаренные невѣдомыми для остальныхъ людей силами, какъ Калиостро, Яковъ Бѣме, Сведенборгъ и др., но разница между ними и г-жей Блаватской огромная: тѣ жили въ иныя времена, когда общеніе между людьми было медленное и трудно провѣряемое, а критическій анализъ находился еще въ зачаткѣ, и до насъ могли дойти только смутныя легенды объ ихъ чудесныхъ силахъ. Елена Петровна появляется на сценѣ жизни въ такое время, когда умственное общеніе обѣгаетъ земной шаръ съ необычайной быстротой, когда каждое сколько-нибудь выдающееся явленіе дѣлается немедленно достояніемъ всего міра; жила Елена Петровна—последовательно въ трехъ частяхъ свѣта—совершенно открыто, принимала у себя всѣхъ, кто только желалъ ее видѣть, была лично извѣстна множеству людей всѣхъ національностей и профессій. Ее знали многіе ученые Америки, Азіи и Европы. И сама она, и ея жизнь, и ея такъ называемыя чудеса, были у всѣхъ на виду. Замолчать ее, или отдѣлаться смутными легендами было уже невозможно. Но и до сихъ поръ мало кто сознаетъ, что не только принесенныя ею съ Востока ученія, но и она сама, ея личность, ея необычныя психическія свойства представляютъ для нашей эпохи явленіе величайшей важности. Она—не теорія, а фактъ. И фактъ этотъ говоритъ слишкомъ настоятельно, что наука должна широко

раздвинуть свои границы, принять въ свои предѣлы не только физическія, но и сверхфизическія явленія, и рядомъ съ эволюціей формы признать и эволюцію психическую и духовную, или же—сложить оружіе и объявить себя безсильной передъ явленіями высшаго порядка. Съ этой точки зрѣнія, т. е., какъ явленіе по внутреннимъ своимъ свойствамъ далеко опередившее свое время и дающее глубоко интересныя указанія на будущія линіи человѣческаго развитія, Елена Петровна должна бы представлять огромный интересъ для современныхъ психологовъ; *какъ* этотъ интересъ проявился въ дѣйствительности, мы увидимъ далѣе изъ отчета „ученаго“ Общества Психическихъ Исслѣдованій; иного проявленія со стороны присяжныхъ ученыхъ во всѣхъ собранныхъ мною матерьялахъ мнѣ не попадалось.

Когда сталкиваешься съ воспоминаніями и отзывами знавшихъ Елену Петровну людей, какъ друзей, такъ и враговъ, или когда спрашиваешь живыхъ свидѣтелей ея жизни, болѣе всего поражаешься разнообразіемъ ихъ мнѣній, словно передъ вами проходитъ не одна, а множество личностей съ однимъ и тѣмъ же именемъ „Елена Петровна Блаватская“. Для однихъ она—великое существо, открывающее міру новые пути, для другихъ—вредная разрушительница религіи, для однихъ—увлекательная и блестящая собесѣдница, для другихъ—туманная толковательница непонятной метафизики; то—великое сердце, полное безграничной жалости ко всему страдающему, то—душа, не знающая пощады, то—ясновидящая, проникающая до дна души, то—наивно довѣряющая первому встрѣчному; одни говорятъ о ея безграничномъ терпѣніи, другіе о ея необузданной вспыльчивости и т. д. до бесконечности. И нѣтъ тѣхъ яркихъ признаковъ человѣческой души, которые бы не соединялись съ именемъ этой необыкновенной женщины.

Никто не зналъ ее *всю*, со всѣми ея свойствами. Одиночество ея доходило до того, что даже самые близкіе, дорогіе люди относились съ недоумѣніемъ и даже съ недовѣріемъ къ ея свойствамъ. Трагизмъ этого одиночества бросается въ глаза, когда читаешь біографическій очеркъ, написанный ея горячо любимой сестрой: рядомъ съ добрымъ чувствомъ, сколько въ немъ недоумѣнья, а порой и смущенья, сколько *вынужденнаго* довѣрія только потому, что она видѣла „неопровержимыя доказательства“... и какое удивленіе прорывается у этой любящей сестры, когда она встрѣчается съ очень высокой оцѣнкой ея личности... какъ ей хочется извиниться и сказать: „ну, это ужъ слишкомъ!“

И это вполне естественно. Свойства ея выходили изъ обычнаго уровня настолько, что были слишкомъ чужды для огромнаго большинства. Кто то сказалъ про нее, что „она поднималась на высоты, гдѣ способны парить одни орлы человѣчества, и кто не въ силахъ былъ

подняться вмѣстѣ съ ней, тотъ видѣлъ лишь пыль ея подошвъ". Даже ближайшій ея сотрудникъ и помощникъ, полковникъ Олькоттъ, признается въ своемъ дневникѣ, что, не смотря на многіе годы совместной жизни, онъ до конца не могъ отвѣтить на часто задаваемый себя вопросъ: *кто* была Елена Петровна? До того не поддавалась никакимъ установленнымъ опредѣленіямъ ея многогранная натура, до того не обычайны были многія ея свойства и проявленія. Но въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ сходятся всѣ, знавшіе ее: всѣ утверждаютъ, что она обладала необычайной душевной силой, подчинявшей себѣ все окружающее, что она была способна на невѣроятный трудъ и сверхчеловѣческое терпѣніе, когда дѣло шло о служеніи идеѣ, объ исполненіи воли Учителя; и также единодушно сходятся всѣ на томъ, что она обладала поразительной, не знавшей границъ, искренностью. Искренность эта сказывается въ каждомъ проявленіи ея пламенной души, никогда не останавливавшейся передъ тѣмъ, *что* о ней подумаютъ, *какъ* отнесутся къ ея словамъ и поступкамъ, она сказывается въ необдуманныхъ выраженіяхъ ея писемъ, она сквозитъ въ каждой подробности ея бурной, многострадальной жизни. Искренность ея и довѣрчивость доходили до размѣровъ совершенно необычайныхъ для души, собравшей такое небывалое въ исторіи разнообразіе жизненнаго опыта: начиная съ впечатлѣній свѣтской русской дѣвушки времени крѣпостнаго права и затѣмъ— совершенно сказочныхъ переживаній въ Индіи и Тибетѣ въ роли ученицы восточныхъ мудрецовъ, до не менѣе необычайнаго положенія духовнаго учителя и провозвѣстника древней Мудрости среди высококультурныхъ Англичанъ въ самомъ трезвомъ изъ европейскихъ центровъ—Лондонѣ.

Одна изъ чертъ Елены Петровны, которая для близкихъ людей представляла необыкновенную привлекательность, но въ то же время могла сильно повредить ей, былъ ея мѣткій, блестящій юморъ, большей частью добродушный, но иногда и задѣвавшій мелкія самолюбія.

Знавшіе ее въ болѣе молодые годы вспоминаютъ съ восторгомъ ея неистощимо веселый, задорный, сверкающій остроуміемъ разговоръ. Она любила пошутить, подразнить, вызвать переполохъ. Ея племянница Надежда Владимировна Желиховская, сообщаетъ: „у тети была удивительная черта: ради шутки и краснаго словца она могла насочинить на себя что угодно. Мы иногда хохотали до истерики при ея разговорахъ съ репортерами и интервьюерами въ Лондонѣ. Мама ее останавливала: „зачѣмъ ты все это сочиняешь?“ — А ну ихъ, вѣдь всѣ они голь перекатная, пусть заработаютъ дѣтишкамъ на молочишко!— А иногда и знакомымъ своимъ теософамъ въ веселыя минуты разсказывала, просто для смѣха, разныя небывальщины. Тогда мы смѣя-

лись,—но съ людской тупостью, которая шутокъ не понимаетъ, изъ этого произошло много путаницы и непріятностей“. Не только „непріятностей“, но весьма возможно, что изъ тѣхъ, которые не понимаютъ шутокъ, бывали и задѣтые ея шутками, и тѣ переходили въ лагерь ея враговъ.

Враговъ ея можно раздѣлить на двѣ категоріи: на враговъ ея ученія и на личныхъ недоброжелателей. Изъ числа первыхъ, самыми ярыми были миссіонеры, жившіе въ Индіи, вліяніе которыхъ подрывалось ея стремленіемъ объединить въ общемъ эотеризмъ всѣ древнеарійскія вѣрованья и доказать происхожденіе всѣхъ религій изъ *единого* божественнаго источника. Наряду съ миссіонерами, врагами ея были и правовѣрные спириты, ученія которыхъ она подрывала и въ многочисленныхъ статьяхъ, и въ устныхъ бесѣдахъ, никогда не стѣсняясь—по своему обыкновенію—въ выраженіяхъ. Ея личными врагами была и та часть англійскаго общества въ Индіи, которую она уже по свойству своей свободо-любивой, ненавидѣвшей этикетъ натуры должна была шокировать и которые не могли ей простить, что она предпочитала презрѣнныхъ въ ихъ глазахъ Индусовъ; кромѣ того, ея врагами являлись и всѣ тѣ, которые подходили къ ней съ корыстными цѣлями, и неудовлетворенные въ своемъ желаніи получить отъ нея оккультныя знанія, благодаря которымъ она проявляла свои „чудеса“,—уходили отъ нея съ затаенной враждой. Результатомъ всей этой вражды и появился нагремѣвшій такъ сильно процессъ Куломбъ—Паттерсонъ—Ходжсонъ. Но о немъ рѣчь впереди, а теперь я приведу вкратцѣ тѣ біографическія данныя, которыя мнѣ удалось провѣрить благодаря любезному содѣйствію ея ближайшихъ родственниковъ.

Всю жизнь ея можно раздѣлить на три ясно разграниченные періода. Дѣтство и отрочество со дня рожденія въ 1831 году и до замужества въ 1848 г. составляютъ первый періодъ; второй,—таинственные годы, по поводу которыхъ не имѣется почти никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, длившійся, съ четырехлѣтнимъ перерывомъ, когда она пріѣзжала къ своимъ родственникамъ въ Россію, болѣе 20 лѣтъ, начиная съ 1848 года по 1872 годъ, и третій періодъ съ 1872 года до смерти, проведенный въ Америкѣ, Индіи, а послѣднія шесть лѣтъ въ Европѣ, среди многочисленныхъ свидѣтелей, близко знавшихъ Елену Петровну. Относительно этого послѣдняго періода существуетъ много біографическихъ очерковъ и статей, написанныхъ близко знавшими ее людьми.

Гораздо труднѣе составить себѣ ясное представленіе о дѣтствѣ Елены Петровны. Изъ двухъ книгъ ея родной сестры В. П. Желиховской—„Какъ я была маленькая“ и „Мое отрочество“, въ которыхъ она описываетъ свою семью, нельзя вынести почти никакого предста-

вления о характерѣ и переживаніяхъ Елены Петровны въ дѣтствѣ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что Вѣра Петровна была моложе сестры на четыре года и не могла сознательно наблюдать за сестрой, которая, судя по ея же рассказамъ, какъ старшая, жила совершенно отдѣльной жизнью; кромѣ того, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда пришло кало дѣтство обѣихъ сестеръ, на сверхнормальныя психическія способности ребенка должны были смотрѣть какъ на нѣчто очень нежелательное, и отъ другихъ дѣтей той же семьи онѣ должны были тщательно скрываться. Другой источникъ, книга Синнетта *Incidents in the life of Madame Blavatsky*, даетъ нѣсколько очень интересныхъ подробностей, но авторъ писалъ свою книгу, основываясь на случайныхъ рассказахъ Елены Петровны, и насколько вѣрно онъ запомнилъ и точно пердалъ ея слова, это провѣрить трудно.

Изъ сверстницъ Елены Петровны, ея родная тетка, Надежда Андреевна Фадѣева, которая только на три года старше Елены Петровны и жила съ ней въ самой интимной близости, когда обѣ были еще дѣтьми, подтверждаетъ необыкновенныя явленія, окружавшія Елену Петровну въ дѣтствѣ, и въ письмѣ*), помѣченномъ: Одесса 8—20 мая 1877 года, она высказывается такъ: „Феномены, производимыя медіумическими силами моей племянницы Елены—чрезвычайно замѣчательны, истинныя чудеса, но они не единственные. Много разъ слышала я и читала въ книгахъ, относящихся къ спиритуализму, и священнымъ и свѣтскимъ, поразительные отчеты о явленіяхъ, схожихъ съ описываемыми Вами, но то были отдѣльные случаи. Но столько силъ сосредоточенныхъ въ одной личности, соединеніе самыхъ необычайныхъ проявленій, идущихъ изъ одного и того же источника, какъ у нея это, конечно, небывалый случай, возможно и неимѣющій равныхъ себѣ. Я давно знала, что она владѣетъ величайшими медіумическими силами, но когда она была съ нами, силы эти не достигали такой степени, какой онѣ достигли теперь. Моя племянница Елена совсѣмъ особое существо и ее нельзя сравнивать ни съ кѣмъ. Какъ ребенокъ, какъ молодая дѣвушка, какъ женщина, она всегда была настолько выше окружающей ее среды, что никогда не могла быть оцѣненной по достоинству. Она была воспитана какъ дѣвушка изъ хорошей семьи, но объ учености не было даже и рѣчи. Но необыкновенное богатство ея умственныхъ способностей, тонкость и быстрота ея мысли, изумительная легкость, съ которой она понимала, схватывала и усваивала наиболѣе трудные предметы, необыкновенно развитый умъ, соединен-

*) Приведенная выдержка изъ этого письма напечатана въ книгѣ А. Безантъ *H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom, London 1907.*

ный съ характеромъ рыцарскимъ, прямымъ, энергичнымъ и открытымъ—вотъ что поднимало ее такъ высоко надъ уровнемъ обыкновеннаго человѣческаго общества и не могло не привлекать къ ней общаго вниманія, слѣдовательно и зависти и вражды всѣхъ, кто въ своемъ ничтожествѣ не выносилъ блеска и даровъ этой поистинѣ удивительной природы“...

Физическая наслѣдственность Елены Петровны интересна въ томъ отношеніи, что среди ея ближайшихъ предковъ были представители историческихъ родовъ Франціи, Германіи и Россіи. По отцу она происходила отъ владѣтельныхъ Мекленбургскихъ князей Hahn von Rottenstein-Hahn. Со стороны матери—пробабушка Елены Петровны была урожденная Бандре-дю-Плесси—внучка эмигранта гугенота, вынужденнаго покинуть Францію вслѣдствіе религіозныхъ гоненій. Она вышла въ 1787 году замужъ за князя Павла Васильевича Долгорукаго, и дочь ихъ, княжна Елена Петровна Долгорукая, въ замужествѣ за Андреемъ Михайловичемъ Фадѣевымъ, была родная бабушка Елены Петровны и сама воспитывала рано осиротѣвшихъ внучекъ. Она оставила по себѣ память замѣчательной и глубоко образованной женщины, необыкновенной доброты и совершенно исключительной для того времени учености; она переписывалась со многими учеными, между прочимъ съ президентомъ Лондонскаго Географическаго Общества Мурчисономъ, съ извѣстными ботаниками и минералогами, одинъ изъ которыхъ (Гомеръ-де-Гель) назвалъ въ честь ея найденную имъ ископаемую раковину *Venus-Fadeeff*. Она владѣла пятью иностранными языками, прекрасно рисовала и была во всѣхъ отношеніяхъ выдающейся женщиной. Дочь свою, Елену Андреевну, рано умершую мать Елены Петровны, она воспитывала сама и передала ей свою талантливую натуру; Елена Андреевна писала повѣсти и романы подъ псевдонимомъ Зинаиды Р. и была очень популярна въ началѣ сороковыхъ годовъ; ея ранняя смерть вызвала всеобщее сожалѣніе, и Бѣлинскій посвятилъ ей нѣсколько хвалебныхъ страницъ, назвавъ ее „русской Жоржъ-Зандъ“. О семьѣ Фадѣевыхъ мнѣ пришлось много слышать отъ Марьи Григорьевны Ермоловой, обладавшей необыкновенно отчетливой памятью и знавшей хорошо всю семью, когда послѣдняя жила въ Тифлисѣ, гдѣ мужъ г-жи Ермоловой былъ губернаторомъ въ сороковыхъ годахъ. По ея отзывамъ, юная тогда Елена Петровна была блестящая дѣвушка, но крайне своевольная, никому и ничему неподчинявшаяся, а семья ея дѣдушки пользовалась прекрасной репутаціей, и бабушку Елены Петровны ставили такъ высоко за ея выдающіяся качества, что „не взирая на то, что сама она ни у кого не бывала, весь городъ являлся къ ней на поклонъ“. У Фадѣевыхъ, кромѣ дочери Елены, вышедшей

замужъ за артиллерійскаго офицера Ганъ, и другой дочери, въ замужествѣ Витте, были еще дочь Надежда Андреевна, живущая въ настоящее время въ Одессѣ, и сынъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ *), которыхъ Елена Петровна такъ горячо любила, что, по мнѣнію ея біографа Олькотта, они и ея сестра Вѣра Петровна Желиховская съ дѣтьми были ея единственной привязанностью на землѣ.

Въ семьѣ своего дѣдушки Фадѣева рано осиротѣвшая Елена Петровна провела большую часть дѣтства, сперва въ Саратовѣ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, а позднѣе въ Тифлисѣ. Судя по тому, что дошло до насъ, дѣтство ея было чрезвычайно свѣтлое и радостное. На лѣто вся семья переѣзжала на губернаторскую дачу—большой старинный домъ, окруженный садомъ, съ таинственными уголками, прудомъ и глубокимъ оврагомъ, за которымъ темнѣлъ спускавшійся къ Волгѣ лѣсъ. Вся природа жила для пылкой дѣвочки особой таинственной жизнью: часто разговаривала она съ птицами и животными, а когда наступала зима, необыкновенный кабинетъ ея ученой бабушки представлялъ такой интересный міръ, который способенъ былъ воспламенить и не такое живое воображеніе. Въ этомъ кабинетѣ было много диковинныхъ вещей: стояли чучела разныхъ звѣрей, виднѣлись оскаленныя головы медвѣдей и тигровъ, на одной стѣнѣ пестрѣли, какъ яркіе цвѣты, прелестные маленькіе колибри, на другой—какъ живыя сидѣли совы, соколы и ястребы, а надъ ними, подъ самымъ потолкомъ, распростеръ крылья огромный орелъ. Но страшнѣе всѣхъ былъ бѣлый фламинго, вытягивавшій длинную шею совсѣмъ какъ живой. Когда дѣти приходили въ бабушкинъ кабинетъ, онѣ садились на набитаго чернаго моржа или на бѣлаго тюленя, и въ сумерки имъ казалось, что всѣ эти звѣри начинали шевелиться и много страшныхъ и увлекательныхъ исторій рассказывала про нихъ маленькая Елена Петровна, особенно про бѣлаго фламинго, крылья котораго казались обрызганными кровью. Кромѣ особенно живой связи съ природой, которую видѣли всѣ, были въ ея дѣтствѣ явленія, видимыя только для нея одной. Съ самаго ранняго дѣтства передъ ясновидящей дѣвочкой появлялся величественный образъ Индуса въ бѣлой чалмѣ, всегда одинъ и тотъ же, и она знала его такъ же хорошо, какъ и своихъ близкихъ, и называла своимъ Покровителемъ, утверждая, что именно онъ спасалъ ее въ минуты опасности. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ, когда ей было около 13-ти лѣтъ: лошадь, на которой она каталась верхомъ, испуга-

---

*) Р. А. Фадѣевъ, артиллерійскій генералъ, былъ виднымъ дѣятелемъ въ славянскихъ земляхъ и извѣстнымъ военнымъ писателемъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Оставилъ по себѣ память глубоко образованнаго, остроумнаго и привлекательнаго человѣка.

лась и понесла; дѣвочка не смогла удержаться и, запутавшись ногой въ стремя, повисла на немъ; но вмѣсто того, чтобы разбиться, она ясно почувствовала чьи-то руки вокругъ себя, которыя поддерживали ее до тѣхъ поръ, пока лошадь не была остановлена. Другой случай произошелъ гораздо раньше, когда она была совсѣмъ еще крошкой. Ей очень хотѣлось разсмотрѣть картину, висѣвшую высоко на стѣнѣ и завѣшанную бѣлой матеріей. Она просила раскрыть картину, но просьба ея не была уважена. Разъ, оставшись въ этой комнатѣ одна, она придвинула къ стѣнѣ столъ, втащила на него маленькій столикъ, а на столикъ поставила стулъ, и ей удалось на все это вскарабкаться; упираясь одной рѣкой въ пыльную стѣну, другой она уже схватила уголокъ занавѣски и отдернула ее, но въ это мгновеніе потеряла равновѣсіе, и больше она ничего уже не помнила. Очнувшись, она лежала совершенно невредимая на полу, оба стола и стулъ стояли на своихъ мѣстахъ, занавѣска передъ картиной была задернута, и единственнымъ доказательствомъ, что все это произошло наяву, былъ слѣдъ, оставшійся отъ ея маленькой руки на пыльной стѣнѣ, пониже картины. Такимъ образомъ, дѣтство и юность Елены Петровны протекли при очень счастливыхъ условіяхъ въ просвѣщенной, и по всѣмъ признакамъ очень дружной семьѣ, съ гуманными традиціями и чрезвычайно мягкимъ отношеніемъ къ людямъ. Замужество ея на 18-мъ году съ человѣкомъ сравнительно пожилымъ и нелюбимымъ, съ которымъ она не могла имѣть ничего общаго, объясняется вѣрнѣе всего желаніемъ вырваться на волю. Если представить себѣ условія жизни русской дѣвушки тѣхъ временъ въ провинціальномъ „вышемъ свѣтѣ“, хотя бы и въ самой хорошей семьѣ, со всѣми предразсудками и стѣснительнымъ этикетомъ, какимъ должно было отличаться тогдашнее общество, не трудно понять, до чего эти условія должны были давить такую пламенную, рвущуюся изъ всякихъ рамокъ, вольнолюбивую натуру, какою должна была обладать молодая Елена Петровна. Послѣдующее только подтверждаетъ это предположеніе: черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы Елена Петровна бѣжала отъ мужа, и этимъ бѣгствомъ заканчивается первый періодъ ея жизни и начинается второй, который весь состоитъ изъ безконечныхъ скитаній по морямъ и сушамъ, то въ одной части свѣта, то въ другой.

Второй періодъ.

Если взять географическую карту и отмѣчать на ней передвиженія Елены Петровны за періодъ отъ 1848 до 1872 г., получится такая картина: отъ 1848 по 51 годъ *) путешествіе по Египту, Авианамъ, Смирнѣ и Малой Азіи; *первая* неудавшаяся попытка проникнуть въ Тибетъ; въ 51 году (дата дана въ ея собственныхъ замѣткахъ) она ѣдетъ въ Англію, и тамъ происходитъ ея первая встрѣча съ Учителемъ, который появлялся ей въ дѣтствѣ и котораго она звала своимъ Покровителемъ; съ 1851 по 53 г. путешествіе по южной Америкѣ и переездъ въ Индію, *вторая* неудавшаяся попытка проникнуть въ Тибетъ и возвращеніе черезъ Китай и Японію въ Америку; отъ 1853 по 55 или 56 г. странствованія по сѣверной и центральной Америкѣ и переездъ въ Англію; отъ 1855 или 56 по 58 г.—возвращеніе изъ Англии черезъ Египетъ въ Индію и *третья* неудавшаяся попытка проникнуть въ Тибетъ. Вотъ здѣсь является противорѣчіе: графъ Вахтмейстеръ, ближе всѣхъ стоявшая къ Еленѣ Петровнѣ въ послѣдніе годы ея жизни, въ своей рѣчи, произнесенной въ Теософ. Об-вѣ въ Лейпцигѣ 30 сентября 1899 года, передавала, что первое ея путешествіе въ Тибетъ произошло въ 1856 году **). Въ декабрѣ 1858 г. Елена Петровна появляется неожиданно въ Россіи у своихъ родныхъ и остается сперва въ Одессѣ, а потомъ въ Тифлисѣ до 1863 года. Въ 1864 году она проникаетъ наконецъ въ Тибетъ, оттуда уѣзжаетъ на короткое время (въ 1866 г.) въ Италію, затѣмъ снова въ Индію и, черезъ горы Кумлунъ и озеро Палти, снова въ Тибетъ. Въ 1872 году она ѣдетъ черезъ Египетъ и Грецію къ своимъ роднымъ въ Одессу, а оттуда, въ слѣдующемъ 1873 году, уѣзжаетъ въ Америку, и этимъ кончается второй періодъ ея жизни.

Всматриваясь въ это 20-лѣтнее скитаніе (если вычесть 4 года, проведенные съ родными) по земному шару, совершенно безцѣльное съ виду, такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ ученымъ изыскателемъ, а съ

*) Года взяты мной изъ книги А. Безантъ Н. Р. Blavatsky and the Masters of Wisdom, изданной въ 1907 г. И въ другихъ статьяхъ, посвященныхъ ей, даются приблизительно тѣ же даты.

**) Гр. Вахтмейстеръ привела интересную подробность этого путешествія: такъ какъ чужестранцы не могли проникать внутрь страны, то явившіеся за ней въ Дарджилингъ Индусы положили ее въ повозку, закрыли сѣномъ и подъ такимъ прикрытіемъ повезли.

женщиной, не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ занятій, — единствен-
нымъ указателемъ на истинную цѣль всѣхъ этихъ скитаній является
снова и снова возобновляющіяся попытки проникнуть въ Тибетъ. По-
мимо этого указанія не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній
объ этомъ періодѣ ея жизни. Даже горячо любимыя ею родственницы,
ея сестра и тетка, съ которыми ее связывала самая нѣжная дружба,
и тѣ не знали ничего опредѣленнаго объ этой эпохѣ ея жизни. Одно
время онѣ были увѣрены, что ея нѣтъ уже въ живыхъ.

Въ воспоминаніяхъ Маріи Григорьевны Ермоловой *), лично знавшей
всѣ обстоятельства дѣвичьей жизни Елены Петровны, есть одна по-
дробность, неупоминаемая нигдѣ, которая могла сыграть большую роль
въ ея судьбѣ. Одновременно съ Фадѣевыми въ Тифлисѣ жилъ род-
ственникъ тогдашняго намѣстника Кавказа, кн. Голицынъ, который
часто бывалъ у Фадѣевыхъ и сильно интересовался оригинальной
молодой дѣвушкой. Онъ слылъ, по словамъ г-жи Ермоловой, „не то за
масона, не то за мага или прорицателя“ (**).

Непосредственно за отъѣздомъ кн. Голицына изъ Тифлиса по-
слѣдовало неожиданное рѣшеніе Елены Петровны выйти замужъ за
совершенно неподходящаго для нея пожилого Блаватскаго. Если со-
поставить эти обстоятельства и послѣдующее бѣгство изъ дома мужа
черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы, можно съ большой вѣроятностью
предположить, что въ разговорахъ съ „магомъ“ кн. Голицынымъ,
слѣдовательно съ человѣкомъ, свѣдующимъ въ области медиумизма и
ясновидѣнья, или по крайней мѣрѣ интересующимся подобными явленіями,
Елена Петровна могла получить много указаній, которыя и подѣйстви-
тели на ея рѣшеніе во что бы то ни стало вырваться изъ стѣснитель-
ныхъ условій свѣтской дѣвичьей жизни. Весьма вѣроятно, что она раз-
сказала заинтересованному собесѣднику о своихъ видѣніяхъ и о своемъ
„Покровителѣ“ и получила отъ него рядъ указаній, можетъ быть и
адресъ того египетскаго копта, о которомъ упоминаютъ какъ объ ея
первомъ учителѣ по оккультизму. Подтвержденіемъ этому служитъ и
то обстоятельство, что, доѣхавъ до Керчи съ своими слугами, Елена
Петровна отсылаетъ ихъ подъ выдуманнымъ предлогомъ съ парохода
и, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ отцу, какъ предполагали ея родствен-
ники и слуги, отправляется на Востокъ въ Египетъ и путешествуетъ
не одна, а съ своей знакомой—гр. Киселевой. Возможно, что встрѣча

*) См. выше, стр. 15.

**) Родственницы Е. П. Блаватской отвѣтили на мой запросъ, что кн. Голи-
цынъ дѣйствительно бывалъ часто у Фадѣевыхъ передъ замужествомъ Е. П., но
былъ ли онъ оккультистомъ, — этого онѣ не знаютъ, хотя прибавляютъ, что это было
вполнѣ возможно.

ихъ была случайная, но возможно, что было и предварительное приглашеніе. Если мое предположеніе вѣрно, весь характеръ ея исчезновенія на Востокъ совершенно мѣняется: вмѣсто безцѣльнаго исканія приключеній является опредѣленное стремленіе къ намѣченной цѣли.

Черезъ три года происходитъ самое важное событіе этой эпохи ея жизни—ея первая встрѣча съ Учителемъ. Объ этой встрѣчѣ, которая произошла въ Лондонѣ въ 1851 году, упоминаютъ Олькотъ, гр. Вахтмейстеръ и г-жа Безантъ.

Все значеніе этой встрѣчи выясняется лишь въ связи съ героическимъ характеромъ пламенной, никогда неслабѣвшей, преодолевавшей всѣ препятствія, вѣрной до послѣдняго вздоха преданности ея своему Учителю. Эта преданность, раскрывающая весь размѣръ ея души, и была тѣмъ ярко зажженнымъ маякомъ, который направлялъ всѣ дѣйствія ея послѣдующей жизни. При свѣтѣ этого маяка всѣ ея скитанія, вся необычайность ея переживаній, ея снова и снова возобновлявшіяся попытки проникнуть въ Тибетъ, гдѣ она надѣялась приблизиться къ нему, все это получаетъ совершенно новый, глубокій смыслъ.

Ея враги, а также и всѣ судящіе по однѣмъ видимостямъ, предполагаютъ, что таинственность ея жизни скрываетъ за собой нѣчто предосудительное, иначе „почему бы ея жизнь не была открытой, какъ у всѣхъ добрыхъ людей“? Да, ей было чтó хранить втайнѣ, но не пошлыя исканія приключеній наполняли эту таинственную часть ея жизни, а неукротимая тяга большой души къ большой цѣли.

Чтобы вѣрно понять эту сторону ея жизни, необходимо знать, чтó такое „ученичество“, въ чемъ оно состоитъ, какого рода обязательства оно налагаетъ на ученика и каково на Востокѣ отношеніе ученика оккультной школы къ своему Учителю.

Безъ приблизительнаго хотя бы понятія объ этихъ вещахъ невозможно вѣрная оцѣнка жизни Елены Петровны, которая несомнѣнно была ученицей высокихъ адептовъ восточной Мудрости (*Brahma-Vidya*).

Для европейцевъ, потерявшихъ всякое понятіе объ эзотеризмѣ, представляется какой-то сказкой самое существованіе восточныхъ Учителей, живущихъ совершенно особой жизнью, гдѣ-то среди неприступныхъ Гималаевъ, никому невѣдомыхъ, кромѣ горсти теософовъ-мечтателей. Но это представленіе совершенно мѣняется, когда начинаешь знакомиться съ внутреннимъ смысломъ религіозныхъ ученій Индіи. Разница умственной и духовной жизни матерьялистическаго Запада и мистическаго Востока очень глубока, и непониманіе со стороны Запада самыхъ существенныхъ особенностей Востока вполне естественно. На Востокѣ никто не сомнѣвается въ существованіи высокихъ адеп-

товъ божественной Мудрости. Въ газетѣ *Boston Courier* отъ 18 іюля 1886 года, какъ разъ по поводу обвиненія Елены Петровны въ фиктивности ея общенія съ несуществующими Учителями Мудрости, появился протестъ, подписанный семьюдесятью пандитами изъ Негалатама, разсадника знатоковъ древнихъ религіозныхъ ученій Индіи, въ которомъ они утверждаютъ, что „Махатмы или Садху не измышленіе г-жи Блаватской, а Высшія Существа (Superior Beings), въ существованіи которыхъ никто изъ просвѣщенныхъ Индусовъ не сомнѣвается, которыхъ знали наши дѣды и прадѣды, съ которыми и въ настоящее время многіе Индусы, ничего общаго съ теософическимъ обществомъ не имѣющіе, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ“ *). Это свидѣтельство ученыхъ Востока. Но и западные ученые, по крайней мѣрѣ наиболѣе передовые, не отрицаютъ возможности сверхнормальныхъ психическихъ способностей, которыя у большинства людей находятся въ скрытомъ состояніи и только современемъ разовьются до полного своего проявленія; а если это такъ, совершенно нелогично отрицать возможность все болѣе и болѣе высокихъ ступеней психической и духовной эволюціи, слѣдовательно и появленія такихъ „Высокихъ Существъ“, душевныя силы и свойства которыхъ еще невѣдомы на нашей низшей ступени развитія. Многихъ смущаетъ тайна, окружающая ихъ. Но на это существуютъ важныя причины, изъ числа которыхъ наиболѣе понятной для европейскаго ума должно быть естественное утонченіе всей нервной системы; въ какой степени такая утонченная организація должна страдать отъ нашихъ современныхъ условій жизни, это поймутъ всѣ, обладающіе „тонкими нервами“. Если взять ту же чувствительность, только въ неизмѣримо усиленной степени, нетрудно представить себѣ предѣлъ, за которымъ шумы и вибраціи городской суеты и скопленія множества негармонично настроенныхъ людей стануть даже опасными для сильно утончившихся нервныхъ проводниковъ. Въ этомъ главная причина того факта, что люди, достигавшіе святости, которая неизбѣжно сопровождается утонченіемъ всей нервной системы, всегда стремились въ уединеніе, скрывались въ пустыняхъ и джунгляхъ. Когда же чело-вѣку съ исключительно тонкимъ психическимъ развитіемъ—по свойствамъ его жизненной задачи—все же приходится оставаться среди многолюдья, онъ долженъ сильно страдать, а на очень высокой ступени развитія, безъ предосторожностей, извѣстныхъ оккультисту, онъ даже и не могъ бы выдержать грубыхъ шумовъ современной городской жизни **).

*) Подлинникъ этого документа со всѣми подписями хранится въ библіотекѣ Адьяра.

**) О томъ, какъ сильно Е. П. Б. страдала отъ физическихъ шумовъ, хорошо извѣстно ея ближайшимъ ученикамъ.

Если разсматривать весь характеръ жизни Е. П. Блаватской, владѣя хотя бы самыми элементарными понятіями объ оккультныхъ явленіяхъ, можно съ увѣренностью сказать, что весь второй періодъ ея жизни былъ сначала подготовленіемъ къ ученичеству, а затѣмъ и самимъ ученичествомъ; что же касается послѣднихъ лѣтъ ея жизни, они носятъ на себѣ ясную печать опредѣленной духовной миссіи. Доказательствомъ служатъ многія обстоятельства ея жизни, а также и характеръ ея литературнаго творчества; во 1-хъ Станцы *Мзіангъ*, къ которымъ всѣ три тома ея Тайной Доктрины служатъ комментаріями, могли быть доступны лишь ученику высокаго адепта, который по соображеніямъ высшаго порядка нашелъ своевременнымъ обнародовать ихъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Будь это не такъ, Станцы эти были бы давно уже извѣстны если не западнымъ ученымъ, то по крайней мѣрѣ восточнымъ пандитамъ, а этого не было, и Станцы эти *о́бъиствительно* впервые даются міру черезъ Е. П. Блаватскую. Иначе въ Индіи давно уже поднялись бы громкіе протесты со стороны ученыхъ брамановъ, которые не преминули бы раскрыть самозванство женщины, къ тому же изъ презираемой ими въ душѣ расы варваровъ *), которая приписала себѣ *первую* передачу такого драгоценнаго древнѣйшаго документа. Другая ея книга, „Голосъ Безмолвія“, не раскрываетъ ея „ученичества“ только для европейцевъ, совершенно потерявшихъ религіозный эзотеризмъ; для тѣхъ же, которые понимаютъ истинный смыслъ евангельскаго изреченія: *узокъ путь и тѣсны врата, ведущія въ Жизнь, и немногіе находятъ ихъ*, и знаютъ, что такое восточный религіозный „путь“, совершенно очевидно, что Е. П. Блаватская была ученицей эзотерической школы Востока, ибо только тамъ могла она пріобрѣсти эти изреченья, насквозь проникнутыя духовностью древняго Востока, которыя несомнѣннѣе всякихъ документовъ говорятъ за то, что она соприкоснулась съ этой духовностью и черпала свое вдохновеніе не изъ вторыхъ рукъ, а изъ первоисточника. Только истинный *человѣкъ*, съ великимъ напряженіемъ перестраивающій всю свою душевную жизнь по новымъ линіямъ, сжигающій всю свою низшую природу въ огнѣ внутренней битвы, способенъ выразить опытъ духовнаго подвига такъ, какъ выразила его Е. П. Блаватская въ своей книгѣ *Голосъ Безмолвія*.

II. Вторымъ доказательствомъ подлинности ея „ученичества“ служатъ ея постоянныя сношенія съ учителями Востока, удостовѣренныя множествомъ свидѣтелей, какъ европейцевъ, такъ и индусовъ. Сношенія эти носили различный характеръ: рѣже всего они были непосредственно физическія, чаще—письменные и еще чаще ясновидяще психическія;

*) Mlechcha.

въ широкую область послѣднихъ входятъ и астральныя сношенія (ясно видѣнъ образъ и слышенъ голосъ физически отсутствующаго), и внутренно психическія, намекомъ на которыя можетъ служить „внушеніе“. Но на той ступени развитія, которой достигали психическія силы Елены Петровны, сношенія послѣдняго рода между Учителемъ и ученикомъ, или *Гуру* и *челой*, какъ выражаются на Востокѣ, могутъ достигнуть такой же отчетливости и непрерывности, какъ и физическія общенія. Между ними устанавливается нѣчто въ родѣ беспроволочнаго телеграфа. Существуетъ множество свидѣтельствъ, какъ, даже во время оживленнаго разговора, когда вниманіе Елены Петровны было устремлено на опредѣленный предметъ, она внезапно останавливалась, какъ бы прислушиваясь, и вслѣдъ за тѣмъ каждый разъ появлялось или письмо, или внутреннее указаніе, которое она и спѣшила выполнить. Никто при этомъ не слышалъ какихъ-либо звуковъ, кромѣ нея; лишь до ея раскрытаго внутренняго слуха ясно доносились внутренно произносимыя слова Учителя, которыя и передавались посредствомъ соединявшихъ ихъ магнетическихъ токовъ. Всѣ такія явленія, какъ ясновидѣнье и яснослышанье, психометрія, телепатія, внушеніе и т. д., казавшіяся еще недавно явленіями сверхъестественными, начинаютъ регистрироваться въ лѣтописи научныхъ наблюдений, но объяснить ихъ современная наука не будетъ въ состояніи до тѣхъ поръ, пока не начнетъ считаться съ духовной природой человѣка, съ его *духовной эволюціей*. До сихъ поръ одни только оккультисты разбираются правильно во всѣхъ „ненормальныхъ“ психическихъ явленіяхъ, но они не считаютъ ихъ *ненормальными*, а лишь преждевременно и односторонне, поэтому и негармонично развивающимися свойствами человѣческой души. При естественномъ ходѣ эволюціи силы эти будутъ раскрываться очень медленно и постепенно, и притомъ въ опредѣленныхъ взаимныхъ сочетаніяхъ. При ускоренной эволюціи онѣ могутъ проявляться или негармонично, а слѣдовательно и нежелательно, какъ у большинства медіумовъ, у которыхъ *развитіе проводниковъ опередило развитіе духа*, или же онѣ могутъ пройти черезъ *правильную внутреннюю культуру*. Въ послѣднемъ случаѣ необходимъ Учитель, самъ прошедшій черезъ такую культуру, необходимо то, что можно назвать посвященіемъ въ высшую область духа, и если у идущаго по этому „пути“ хватитъ душевныхъ силъ, чтобы вынести огромное напряженіе сознательной внутренней перестройки всей своей психики, тогда онъ можетъ *чрезвычайно опередить* свою расу,—и тѣ силы, которыя у остальныхъ дѣйствуютъ еще стихійно, у него будутъ подчиняться его собственной волѣ; онъ станетъ господиномъ надъ ними, и вслѣдствіе этого освободитъ огромное количество энергіи на высшую работу духа. Наоборотъ, тѣ психическія силы, которыя развились преждевременно и остаются стихій-

ными, *не* подчиненными сознанию и воле, могут служить только во вредъ тому, кто обладаетъ этими силами: не онъ распоряжается ими, а онѣ владѣютъ ими и вводятъ въ смятеніе. И хотя до его *прежневременно* развитаго внутренняго слуха и зрѣнія и достигаютъ наиболѣе грубыя свѣтовыя и звуковыя явленія невидимаго міра, но отъ этого онъ не становится ни духовнѣе, ни умнѣе. Онъ не разбирается въ нихъ и не понимаетъ взаимной связи въ фактахъ сверхфизическаго міра.

Правильная *культура* высшихъ психическихъ силъ имѣетъ свою науку, свои строго обоснованныя дисциплины, свой многовѣковый опытъ, своихъ учителей и свои школы; въ одну изъ такихъ восточныхъ школъ и была принята Е. П. Блаватская, доказательствомъ чему служатъ послѣдніе годы ея жизни, когда уже совершенно ясно обнаружались результаты систематической культуры ея чрезвычайно сильныхъ медиумическихъ способностей. „Тогда (рѣчь идетъ о 1859 и 60 годѣ) всѣ эти феномены были внѣ ея власти и контроля“, сообщаетъ ея сестра В. П. Желиховская, „а когда мы снова увидали ее въ 1884 году, то всѣ эти проявленія силъ невидимыхъ агентовъ... были ей вполне покорны и *никогда* не проявлялись безъ ея воли и прекращались мгновенно по ея желанію. Та же переменна проявлялась и въ случаяхъ ея ясновидѣнья. Ранѣе она, *не желая*, часто видѣла вещи, ни ее, и никого особенно не интересовавшія, а двадцать лѣтъ спустя она переносилась духовнымъ взоромъ туда, куда хотѣла, и видѣла то, что *хотѣла* видѣть“. *)

III. Именно эти психическія силы, развитыя до полной сознательности и вполне подчинявшіяся ея воле, и служатъ самымъ неоспоримымъ доказательствомъ, что психическое ея развитіе прошло черезъ правильную культуру оккультной школы. Силы эти можно раздѣлить на нѣсколько группъ: а. Внушеніе, вызывающее различныя иллюзіи—свѣтовыя, звуковыя, осязательныя, вкусовыя и иллюзіи обонянія у того, кто подвергается внушенію. б. Ясновидѣнье всѣхъ видовъ, чтеніе чужихъ мыслей и настроеній (измѣненія въ аурѣ наблюдаемаго). в. Сношенія на разстояніи съ лицами, одаренными такимъ же, или бѣльшимъ психическимъ развитіемъ. г. Сильно развитая интуиція (сверхсознаніе), дававшая ей возможность черпать знанія недоступнымъ для большинства способомъ (чтеніе космической хроники въ свѣтѣ *Akasha*). д. Запечатлѣніе объективныхъ представленій актомъ воли (осажденіе—*precipitation*—на бумагѣ или иномъ матерьялѣ). Картины, произведенныя Еленой Петровной такимъ способомъ, т. е. наложеніемъ руки на чистый листъ бумаги, были представлены экспертамъ въ 1895 году, черезъ промежутокъ въ 17 лѣтъ, и можно было ясно различить рисунокъ,

*) Русское Обозрѣніе, 1891 г.

сдѣланный какъ бы водяными красками, голубымъ, краснымъ и зеленымъ карандашами, чернилами и золотомъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, сосредоточенное воображеніе является творцомъ, сила и матерія—его работающими орудіями. Всѣ эти способы извѣстны только въ восточныхъ школахъ оккультизма, ни одинъ западный медиумъ не владѣетъ ими. *с.* Явленія, требующія знанія первичныхъ свойствъ природы, силы сцѣпленія, образующей различные аггломераты изъ атомовъ, и знанія эфира, его состава и потенціальности. Другія ея психическія силы излишне и перечислять, такъ какъ объяснить ихъ могъ бы только тотъ, кто знаетъ столько же, сколько знала сама Е. П. Блаватская.

IV. Слѣдующимъ доказательствомъ ея высокаго оккультнаго развитія служитъ ея упорное молчанье относительно всѣхъ обстоятельствъ этого таинственнаго періода ея жизни. Это доказательство особенно важно въ виду ея характера, до такой степени откровеннаго и несдержаннаго, что она—по словамъ ея близкихъ—никогда не разбирала, что и передъ кѣмъ говорила, и тѣмъ чрезвычайно себѣ вредила, сама давая противъ себя оружіе своимъ недоброжелателямъ. Кто знакомъ съ условіями оккультнаго обученія, для того подобное умалчиванье не только въ порядкѣ вещей, но оно одно изъ самыхъ вѣрныхъ показателей, что данный человекъ *дѣйствительно* ученикъ оккультной школы. Можно прожить съ нимъ подъ одной кровлей всю жизнь и не узнать о его принадлежности къ школѣ, и, наоборотъ, когда встрѣчаются оккультисты, а такіе въ послѣднее время встрѣчаются нерѣдко, чуть не на улицахъ объявляющіе черезъ своихъ приближенныхъ о своемъ „посвященіи“, можно быть совершенно увѣреннымъ, что здѣсь нѣтъ ничего серьезнаго. *Ни одинъ истинный Чела никогда, ни при какихъ условіяхъ, не говоритъ о своей принадлежности къ школѣ и ни о чемъ, относящемся до его оккультнаго обученія.* Это—необходимое условіе, которое имѣетъ очень серьезныя основанія. А когда далеко стоящіе отъ тонкихъ явленій высшаго сознанія бросаютъ упреки по поводу „тайны“, ссылаясь на то, что все хорошее должно совершаться *явно*, на этотъ упрекъ можно отвѣтить одно: ок. школа *дѣйствительно* развиваетъ высшія силы въ своихъ ученикахъ, а среди этихъ силъ есть и такія, какъ способность видѣть въ аурѣ человека его истинный характеръ и всѣ его скрытыя свойства, а также способность внушать людямъ свою волю и свои мысли. Нетрудно себѣ представить, какіе потоки новыхъ бѣдствій устремились бы на безъ того уже трудную земную жизнь, если бы развитіе скрытыхъ силъ стало доступно для всѣхъ, вплоть до эгоистовъ съ нечистыми намѣреньями!

V. Слѣдующимъ доказательствомъ служатъ ея постоянныя и неизмѣнныя заявленія, что *не она* авторъ своихъ книгъ, что она только

орудіе, только пишущая подъ диктантъ и т. д. Если бы это было не вѣрно, если бы за ней не стояли Учителя и она сама придумала свою „Тайную Доктрину“, со всѣми ея безчисленными ссылками и цитатами, она оказалась бы не только обладательницей огромной учености, неизвѣстно гдѣ прибрѣтенной, но и величайшимъ гениемъ, потому что такого индивидуальнаго творчества, какъ ея „Тайная Доктрина“, не найти ни въ одной эпохѣ. И что могло заставить ее лишать себя заслуженной славы, почета и уваженія своихъ современниковъ и упорно приписывать свое личное творчество несуществующимъ призракамъ? Какія силы могли бы заставить человѣка, который собственными усиліями прибрѣлъ такую массу знаній, отречься отъ нихъ въ пользу созданія своей фантазіи, вызывая лично къ себѣ оскорбительное недоверіе, насмѣшки и непониманіе со всѣхъ сторонъ, даже со стороны близкихъ и дорогихъ людей? Только одно безнадежное сумасшествіе могло бы вызвать такое невѣроятное положеніе вещей, а между тѣмъ Елену Петровну обвиняли въ очень многихъ грѣхахъ, но въ *этомъ* ее не обвиняли никогда.

Приведенныхъ доказательствъ, вѣроятно, достаточно, чтобы освѣтить истинный смыслъ второго, таинственнаго періода ея жизни, а тѣ немногія фактическія подробности, которыя близкіе люди знали объ этомъ періодѣ, указываютъ на тѣ же черты, которыми отличались и послѣдніе годы Елены Петровны, протекавшіе на виду у многочисленныхъ свидѣтелей: та же желѣзная воля, та же героическая отвага, та же беззавѣтная преданность идеѣ и пламенный энтузіазмъ, та же неукротимая энергія. Весьма возможно, что эта вторая часть жизни Елены Петровны была богата и личными яркими переживаньями, хотя можно поручиться, что они не были ни мелкими, ни пошлыми, но все это совершенно не важно въ сравненіи съ тѣмъ внутреннимъ смысломъ ея жизни, который раскрывается передъ нами.

Одинъ изъ эпизодовъ ея путешествія по Монголіи, который упоминается въ „*Isis Unveiled*“, даетъ понятіе о томъ, въ какихъ положеніяхъ приходилось ей бывать во время ея скитаній. Это было въ 1855 г., когда ей было 24 года и когда она *въ третій* разъ пыталась проникнуть въ Тибетъ. Изъ Калькутты она трогается въ путь съ тремя товарищами, и они ѣдутъ черезъ Кашмиръ подъ эгидой татарскаго шамана. Товарищи ея уѣхали недалеко: двоихъ вернули назадъ правительственные агенты, а третій заболѣлъ жестокой лихорадкой, и отважная Елена Петровна отправилась далѣе одна съ шаманомъ, стремясь все въ ту же „запретную страну“. Во время отдыха въ монгольской степи, подъ раскинутой палаткой, шаманъ склонился на просьбу своей молодой спутницы показать дѣйствіе своего талисмана, который онъ по-

стоянно носилъ при себѣ; вмѣсто всякихъ объясненій, онъ проглотилъ его, и почти немедленно впалъ въ глубокой трансъ. Два часа провела молодая женщина съ его окоченѣлымъ тѣломъ въ одиночествѣ, среди монгольской степи, и провела, повидимому, очень интересно, потому что заставляла астральное тѣло шамана путешествовать по свѣту и рассказывать ей, что дѣлаютъ ея друзья. Одна изъ нихъ, старая румынская дама, появилась даже собственной особой въ углу палатки съ письмомъ въ рукахъ. Впослѣдствіи оказалось, что дама эта во время чтенія означеннаго письма потеряла сознание и „увидала Елену въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ подъ цыганской палаткой“. Подъ конецъ Елена Петровна отправила астральнаго шамана за помощью; и дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время цѣлая партія всадниковъ подѣхала къ палаткѣ и освободила ее изъ становившагося неприятнымъ положенія.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ годамъ жизни Елены Петровны, приведу интересный документъ, относящійся ко второму ея пребыванію въ Тибетѣ, между 1866 и 1871 годами, который напечатанъ въ недавно вышедшей книгѣ А. Безантъ „*H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom*“. Документъ этотъ былъ доставленъ необычайнымъ образомъ любимой теткѣ Елены Петровны, Надеждѣ Андреевнѣ Фадѣевой, которая слѣдующимъ образомъ описываетъ его появленіе въ письмѣ, помѣченномъ 26 іюня *): „Я писала г-ну Синеттъ... по поводу письма, полученнаго мной чудеснымъ образомъ, когда моя племянница была на противоположномъ концѣ свѣта, или, вѣрнѣе сказать, когда никто не зналъ, гдѣ она находилась; обстоятельство, которое повергло насъ въ большую тревогу. Всѣ наши старанія узнать, гдѣ она, не привели ни къ чему. Мы уже готовы были считать ее мертвой; когда—я думаю, что это было приблизительно въ 1870 г.—я получила письмо отъ того, кого вы называете Учителемъ, принесенное ко мнѣ самымъ необычайнымъ и таинственнымъ образомъ въ мой собственный домъ посланникомъ съ азіатскимъ лицомъ, который тутъ же исчезъ съ моихъ глазъ. Это письмо, въ которомъ меня просятъ не беспокоиться и увѣряютъ, что она здорова, находится у меня, но осталось въ Одессѣ. Когда я вернусь, я перешлю его къ Вамъ и буду очень рада, если оно пригодится. Извините меня, но мнѣ съ трудомъ вѣрится, чтобы были люди настолько неразумные, чтобы думать, что моя племянница или Вы выдумали этихъ людей, которыхъ вы называете Махатмы.

„Мнѣ неизвѣстно, какъ долго Вы знали ихъ лично, но моя племянница говорила мнѣ о нихъ, и очень обстоятельно, много лѣтъ тому

---

*) *H. P. Blavatsky and the Masters of Wisdom. сmp. 8.*

назадъ. Она писала мнѣ, что возобновила отношенія съ нѣкоторыми изъ нихъ ранѣе, чѣмъ написала *Isis*. Зачѣмъ бы ей придумать ихъ? Съ какой цѣлью? И какъ бы они могли сдѣлать ей столько добра, если бы они не существовали? Ваши враги, можетъ быть, недурные и небезчестные люди, но они во всякомъ случаѣ неумные, если обвиняютъ Васъ въ этомъ. Если я, которая надѣюсь остаться до могилы ревностной христіанкой, вѣрю въ существованіе этихъ людей (хотя и не во всѣ чудеса, приписываемыя имъ), почему бы и другимъ не вѣрить? По крайней мѣрѣ существованіе одного изъ нихъ я могу засвидѣтельствовать лично. Кто могъ прислать то письмо въ моментъ, когда я такъ сильно нуждалась въ успокоеніи, если не одинъ изъ этихъ адептовъ, о которыхъ они толкуютъ? Правда, я не знаю почерка, но способъ, которымъ оно было передано мнѣ, былъ такъ необычаенъ, что никто, кромѣ адепта оккультныхъ знаній, не могъ совершить ничего подобнаго. Оно обѣщало мнѣ возвращеніе моей племянницы и обѣщаніе это было исполнено. Во всякомъ случаѣ я пришлю Вамъ письмо черезъ двѣ недѣли и Вы получите "его въ Лондонъ".

Письмо было получено черезъ десять дней, завернутое въ письмо самой г-жи Фадѣевой; оно было написано на китайской рисовой бумагѣ, наложенной на глянцевитую бумагу ручного производства, какая употребляется въ Кашмирѣ и въ Пенджабѣ, и вложено въ конвертъ изъ той же бумаги. Адресъ былъ такой: Высокочтимой Госпожѣ Надеждѣ Андреевнѣ Фадѣевой въ Одессу (*To the Honourable, very Honourable Lady Nadeijda Andriewna Fadéeff, Odessa*). Въ углу конверта замѣтка рукой г-жи Фадѣевой на русскомъ языкѣ, сдѣланная карандашомъ: *Получено въ Одессѣ 7-го ноября обѣ Деленькѣ, вѣроятно изъ Тибета, 11-го ноября 1870 года. Надежда Ф.* Самое письмо слѣдующаго содержанія: „Благородные родственники Е. Блаватской не должны печалиться. Она жива и желаетъ передать тѣмъ, кого любить, что она здорова и чувствуетъ себя очень счастливой въ далекомъ и неизвѣстномъ убѣжищѣ, которое она избрала. Пусть принадлежащія къ ея семьѣ госпожи (*ladies*) успокоятся. Ранѣе чѣмъ пройдутъ 18 новыхъ лунъ, она возвратится въ свой домъ“. Письмо и адресъ написаны хорошо знакомымъ для многихъ почеркомъ Махатмы К. Х.

Глава III.

Третій періодъ.

Третій періодъ жизни Е. П. Блаватской, который она, начиная съ 1873 года, провела послѣдовательно въ Америкѣ (1873—1878 г.), въ Индіи (1878—1884) и въ Европѣ (1884—1891), былъ настолько

извѣстенъ, имѣлъ такое множество свидѣтелей, постоянно окружавшихъ ее, что его можно прослѣдить день за днемъ во всѣхъ подробностяхъ. Какъ на болѣе цѣнные матерьялы для ея біографіи можно указать на дневникъ полковника Олькотта „Old Diary Leaves“ въ трехъ томахъ, на книгу граф. Вахтмейстеръ „Reminiscences of. H. P. V. and the Secret Doctrine“*), на книгу Синнетта „Incidents in the Life of madame Blavatsky“ и на изданное въ 1907 году президентомъ Теос. Об-ва, г-жей А. Безантъ, разслѣдованіе процесса Куломбъ-Паттерсонъ подъ заглавіемъ *H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom.*

Въ 1873 году, по указанію своего Учителя, Елена Петровна отправилась изъ Парижа въ Нью-Йоркъ. Переѣздъ ея въ Америку ознаменовался на этотъ разъ такимъ характернымъ эпизодомъ, что я не могу не привести его для русскихъ читателей, какъ образчикъ ея совершенно необыкновенной доброты. У нея никогда не было лишнихъ денегъ, и на этотъ разъ, по пріѣздѣ въ Гавръ, у нея въ кошелекъ оказался только одинъ пароходный билетъ 1-го класса да нѣсколько франковъ. На пароходной пристани она замѣтила плачущую женщину съ двумя дѣтьми. На ея разспросы женщина рассказала, что мужъ прислалъ ей денегъ на ея проѣздъ съ дѣтьми въ Америку, но что купленные въ городѣ у агента билеты оказались поддѣльными, ее не берутъ на пароходъ, и вотъ она—безъ гроша въ чужомъ городѣ. Не долго думая, Елена Петровна пригласила женщину итти за собой на пароходъ и тамъ заставила пароходнаго агента обмѣнять ея билетъ 1-го класса на палубные билеты 3-го класса для себя и для женщины съ дѣтьми. Такъ она и переѣхала черезъ океанъ на палубѣ, въ толпѣ переселенцевъ.

Въ началѣ ея пребыванія въ Америкѣ ей пришлось порядочно бѣдствовать, но она никогда не унывала и пока не получила деньги изъ дома, занималась то шитьемъ галстуковъ, то изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ. Ко времени ея появленія въ Сѣверной Америкѣ, въ штатѣ Вермонтъ въ Читтенденѣ происходилъ рядъ поразительныхъ медиумическихъ явленій, которыя привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе. Они происходили въ коттеджѣ фермеровъ, двухъ братьевъ Эдди, людей совершенно необразованныхъ и темныхъ, но обладавшихъ такимъ сильнымъ медиумизмомъ, что въ ихъ присутствіи постоянно происходили сильные спиритическіе феномены, до матерьялизаціи включительно. Въ ихъ домѣ Елена Петровна впервые встрѣтилась съ полковникомъ Олькоттомъ, который съ этого времени сталъ ея вѣрнымъ

---

*) Кромѣ личныхъ воспоминаній граф. Вахтмейстеръ, къ ея книгѣ приложены отзывы 16-ти знавшихъ Е. П. лицъ.

помощникомъ и сотрудникомъ. Генри Олькоттъ служилъ въ сѣверо-американскомъ войскѣ во время войны за освобожденіе негровъ, а по окончаніи войны онъ былъ адвокатомъ и корреспондентомъ одной изъ большихъ нью-іоркскихъ газетъ. По порученію этой газеты онъ и прѣхалъ въ Читтенденъ, чтобы разслѣдовать надѣлавшія большого шума спиритическія явленія на фермѣ братьевъ Эдди. Познакомившись съ Еленой Петровной, Г. Олькоттъ заинтересовался такъ сильно ея обширными оккультными знаніями и необычайными явленіями, которыя постоянно проявлялись въ ея присутствіи, что предложилъ ей свое сотрудничество сперва въ ея литературной дѣятельности (онъ выправлялъ англійскій текстъ ея Изиды), а затѣмъ, познакомившись черезъ нее съ ученіями Теософіи, принялъ дѣятельное участіе въ ея разнообразной и неутомимой борьбѣ съ царившимъ въ то время матерьялизмомъ.

Знакомясь съ тѣмъ, какъ Е. П. Блаватская начинала осуществлять свою миссію, и слѣдя за дальнѣйшей ея дѣятельностью, нетрудно догадаться, что тѣми психическими проявленіями, которыми она такъ поражала окружающихъ, она надѣялась достигнуть определенной цѣли: расшатать невѣріе въ невидимый міръ, доказать, что, рядомъ съ физическими, существуютъ и иныя, несравненно болѣе тонкія, но не менѣе реальныя явленія. Большинство окружающихъ ее тогда людей были уже заинтересованы спиритизмомъ. Въ 1-мъ томѣ дневника полковника Олькотта (*Old Diary Leaves I*, стр. 13) помѣщено ея письмо, въ которомъ она говоритъ, что была послана изъ Парижа въ Америку (въ то время, когда явленія на фермѣ Эдди вызвали къ себѣ всеобщее вниманіе), чтобы свидѣтельствовать истинность спиритическихъ явленій и обнаружить неправду спиритической теоріи, по которой явленія эти объясняются появленіемъ духовъ усопшихъ. Чтобы доказать, что теорія эта основана на заблужденіи, она производила подобныя же явленія при полномъ сознаніи *силою воли*—и исключительной *способностью сосредоточенія*, прибавлю я отъ себя. Въ явленіяхъ на фермѣ братьевъ Эдди поразительно было то, что съ появленіемъ среди зрителей Е. П. Блаватской, матеріализованные „духи“ начали принимать видъ жителей Кавказа, курдовъ, осетинъ, а также русскихъ; это служитъ подтвержденіемъ, что матерьялизаціи, которыя на спиритическихъ сеансахъ принимаются за духовъ усопшихъ, могутъ принимать ту или другую форму подъ вліяніемъ *силы мысли* того изъ присутствующихъ, который способенъ думать *отчетливо и съ большою сосредоточенностью*. А Елена Петровна, по заявленію знавшихъ ее, обладала совершенно необыкновенной способностью сосредоточиваться. Она умѣла собирать все свое вниманіе на одной вещи съ такой энергіей, что все остальное для нея уже не существовало; „нужно добиваться—говорила

она своимъ ученикамъ—чтобы, если вы думаете о коробкѣ спичекъ, для васъ не было бы въ мірѣ ничего, кромѣ этой коробки и вашего я". Далѣе, на стр. 15-й того же дневника, есть указаніе, что Елена Петровна примкнула временно къ спиритизму для того, чтобы показать спиритамъ всѣ опасности медиумическихъ сеансовъ и всю разницу, которая существуетъ между спиритическими явленіями и истинной духовностью. Она была увѣрена, что спиритизмъ, какъ ученіе, не въ состояніи повліять на одухотвореніе жизни, и считала своей миссіей ложный западный медиумизмъ замѣнить восточной духовностью (Brahma Vidyâ). Къ тому же ея отрицательное отношеніе къ спиритизму основывалось не на отвлеченныхъ теоріяхъ, а на ясновидѣніи: въ связи съ отдѣленіемъ изъ тѣла медиума астральной субстанціи, она видѣла часто такія нежелательныя явленія, которыя легко могутъ объяснить всю страстность ея нападеній на спиритическіе сеансы. Ея рѣшеніемъ бороться съ развитіемъ медиумизма можно объяснить и то обиліе феноменовъ, которые она производила въ ту пору своей жизни. Она хотѣла ими доказать, что опытный оккультистъ можетъ творить то же, что и „духи“ спиритовъ. Среди различныхъ явленій, которыя она показывала съ этой цѣлью, были мгновенныя исчезновенія людей или предметовъ, напр. исчезновеніе человѣка, несущаго лампу, что производило впечатлѣніе, что лампа движется одна по комнатѣ. Западные ученые *) отказываются объяснить подобныя явленія, а между тѣмъ на Востокѣ они извѣстны многимъ, и Елена Петровна объясняла это тѣмъ, что восточный оккультизмъ знаетъ несравненно больше о *внутреннемъ человѣкѣ*, о томъ, который черезъ физическія чувства—эти „окна души“—сообщается съ внѣшнимъ міромъ, и поэтому восточный оккультистъ можетъ дѣйствовать непосредственно *на него*; онъ можетъ на время прекращать нервныя токи такимъ образомъ, что передача сознанія у того, на кого устремлено его воздѣйствіе, временно приостанавливается—какъ бы обрѣзаются проволоки внутренняго телеграфа, и человѣкъ перестаетъ видѣть то, на что направлено запрещеніе оккультиста.

Елена Петровна прекрасно знала, какую бурю вражды и нареканій она навлечетъ на себя своимъ противодѣйствіемъ спиритизму, и все же съ обычнымъ безстрашіемъ и энергіей шла навстрѣчу этой бурѣ. Что это было такъ, доказываютъ слѣдующія строки изъ ея письма, помѣщеннаго въ I-мъ томѣ дневника Олькотта (стр. 25): „Получила приказаніе сообщать публикѣ правду о спиритическихъ феноменахъ и

*) Въ книгѣ „Животный магнетизмъ“ Бинс и Фере, авторы заявляютъ о невозможности объяснить подобное явленіе.

ихъ медиумахъ. И отнынѣ начнется мое мученичество! Всѣ спириты возстанутъ на меня въ добавокъ къ христіанамъ и ко всѣмъ скептикамъ. Твоя воля, Учитель, да будетъ исполнена!"

Но рядомъ съ серьезной цѣлью убѣдить людей въ реальности невидимыхъ міровъ, производимые ею „феномены“ имѣли и отрицательную сторону: они вызвали большой наплывъ любопытныхъ, которые разносили слухи о ея „чудотвореніяхъ“ и привлекали къ ней не столько серьезныхъ людей, сколько жаждавшихъ увидать ея феномены. Сама же она относилась къ нимъ скорѣй съ пренебреженіемъ, утверждая, что эти феномены лишь ничтожная и подчиненная сторона Теософіи, что психологическіе эксперименты стоятъ въ такомъ же отношеніи къ духовной философіи, въ какомъ химическіе эксперименты стоятъ къ наукѣ химіи. Но они, тѣмъ не менѣе, сослужили для многихъ важную службу, ставъ мостомъ, черезъ который люди переходили отъ западнаго спиритизма къ восточному спиритуализму, и они же помогали серьезнымъ ея послѣдователямъ понимать возвышенныя ученія Теософіи.

Въ 1875 году, 7-го сентября, произошло открытіе Теософическаго Общества. Въ скромной квартирѣ Елены Петровны собралось 17 членовъ: нѣсколько редакторовъ и писателей, ученый еврейскій раввинъ, президентъ Нью-Йоркскаго Об-ва для разслѣдованія спиритизма, два врача и еще нѣсколько лицъ. Одинъ изъ присутствующихъ, г-нъ Фельтъ прочелъ докладъ о „потерянномъ канонѣ пропорцій у древнихъ Египтянъ“, а затѣмъ полковникъ Олькоттъ произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ современное духовное состояніе міра, конфликтъ между матерьялизмомъ и духовностью съ одной стороны, и религіей и наукой съ другой; ихъ безвыходнымъ препирательствамъ онъ противопоставилъ философію древнихъ теософовъ, умѣвшихъ слить воедино оба полюса жизни. Затѣмъ онъ предложилъ учредить Общество оккультистовъ и при немъ бібліотеку для изученія скрытыхъ законовъ природы, которые были извѣстны древнимъ и совсѣмъ утрачены для насъ. Предложеніе его было принято и его выбрали президентомъ Теософическаго Общества. Въ тотъ первый вечеръ было выработано семь основныхъ положеній, но въ нихъ и тогда уже были ясно намѣчены тѣ три главныхъ цѣли, которыя позднѣе были поставлены на знамени Теософическаго Общества.

Въ началѣ развитіе Общества пошло медленно, но это нисколько не ослабляло энергіи его русской основательницы и ея американскаго помощника. Въ слѣдующемъ, 1876 году, Елена Петровна начала писать *Изиду*, а въ 77-мъ году *Изида* была уже издана въ Нью-Йоркѣ и вызвала къ себѣ большое вниманіе въ американской прессѣ. Писала Елена Петровна свою книгу всегда въ присутствіи Олькотта, который

занимался въ той же комнатѣ и помогаль ей, выправляя англійскій стиль каждаго листа.

Онъ сообщаетъ много интереснаго по поводу этой совмѣстной работы, хотя наблюденія его чисто внѣшнія и дать имъ какое-либо объясненіе онъ совсѣмъ не могъ. Такъ, въ передаваемыхъ ему для редакціи листахъ онъ наблюдалъ *четыре* разныхъ почерка, хотя общій характеръ письма оставался во всѣхъ четырехъ одинъ и тотъ же: одинъ почеркъ былъ мельче и ровнѣе, другой—болѣе размахистый, третій—средней величины и очень четкій, и наконецъ, четвертый—очень неразборчивый. И въ достоинствѣ англійскаго стиля замѣчалась большая разница, смотря по тому, которымъ изъ четырехъ почерковъ страница была написана; нѣкоторыя страницы требовали многихъ поправокъ, а нѣкоторыя были такъ совершенно выражены, что не нуждались совсѣмъ въ исправленіи.

Каждое измѣненіе стиля и почерка совпадало всегда или съ удаленіемъ Елены Петровны изъ комнаты, или съ опредѣленнымъ выраженіемъ глазъ, которые поражали въ такія минуты своей безжизненностью. Въ одномъ изъ своихъ писемъ она выражается такъ: „Я живу съ открытыми глазами въ волшебномъ мірѣ видѣній и картинъ, владѣя при этомъ всѣми своими чувствами... Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы не забылось то, чему меня научили, передо мной постоянно возникало все, что мнѣ было нужно. Днемъ и ночью картины прошлаго проносились передъ моими внутренними глазами. Медленно, въ скользящемъ движеніи, подобно образамъ въ волшебной панорамѣ, вѣка проходятъ передо мной... и каждое важное, а иногда и неважное событіе фотографируется въ моемъ умѣ словно отпечатанное въ неизгладимыхъ краскахъ... Я рѣшительно отказываюсь приписывать все это своимъ собственнымъ познаніямъ или памяти, потому что одна я никогда не достигла бы ничего подобнаго“.

Въ 1878 г. основатели Теософическаго Общества рѣшили переселиться въ Индію. Къ этому времени у нихъ уже завязались заочныя сношенія съ нѣсколькими индусскими пандитами, и они пришли къ тому, что лучшей почвой для возрожденія древне-восточной духовности должна быть именно Индія.

Перебравшись въ Индію, они поселились въ началѣ въ Бомбеѣ, и вскорѣ множество посѣтителей изъ мѣстныхъ брамановъ, буддистовъ, парсовъ и др. толпились вокругъ Е. П. Блаватской, слушая ея эзотерическія толкованія на древніе тексты. Помощь, которую послѣдователи различныхъ вѣрованій находили при этомъ въ однихъ и тѣхъ же теософическихъ объясненіяхъ, служила для всѣхъ нихъ самымъ существеннымъ доказательствомъ, что Теософія дѣйствительно основа всѣхъ религій.

Въ началѣ Еленѣ Петровнѣ приходилось терпѣть отъ любознательности мѣстной полиціи, которой казалось очень подозрительнымъ, что русская дама вступила въ такія оживленныя сношенія исключительно съ туземцами Индусами. Но черезъ нѣкоторое время умные англійскіе полицейскіе разобрали, что дѣло идетъ о религіи, и оставили ее въ покоѣ.

Работа у Елены Петровны и ея сотрудника съ самаго начала ихъ переселенія въ Индію закипѣла такая горячая, вліяніе ихъ въ Индіи росло такъ быстро, и они были такъ завалены письмами, что уже на другой годъ рѣшено было основать свой журналъ, и въ октябрѣ 1879 г. возникъ *Theosophist*, который выходитъ и до сихъ поръ въ Индіи, а съ 1907 года, т. е. послѣ смерти Г. Олькотта, поступилъ подъ редакцію новаго Президента, А. Безантъ. Къ этому же времени относится знакомство Елены Петровны съ издателемъ главнаго англо-индусскаго органа *Pioneer*, Синнеттомъ, который подъ ея вліяніемъ изъ позитивиста и скептика сталъ теософомъ; сочувствіе г-на Синнетта было чрезвычайно полезно для зарождающагося теософическаго движенія, такъ какъ онъ занималъ почетное положеніе среди мѣстнаго общества и пользовался всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Результатомъ посѣщенія Елены Петровны его лѣтняго дома въ Силлѣ, была первая книга по оккультизму, написанная Синнеттомъ, *The occult World*, въ которой онъ подробно описываетъ необыкновенныя явленія, происходившія въ присутствіи Елены Петровны въ его домѣ. Не смотря на ея рѣзкіе внѣшніе приемы, которые очень не нравились Синнетту, такъ какъ представляли полный контрастъ съ сдержаннымъ самообладаніемъ лэди его среды, онъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ тогдашней Елены Петровны въ такихъ выраженіяхъ: „она владѣетъ великолѣпными психическими дарами и несокрушимымъ мужествомъ, которое выноситъ ее изъ всѣхъ подавляющихъ испытаній, а ея духовный энтузіазмъ такъ великъ, что онъ сводитъ всѣ ея страданія и весь напряженный трудъ въ пыль и прахъ по сравненію съ ея непоколебимой вѣрностью невидимому Учителю“. Черезъ нее Синнетъ вступилъ и самъ въ сношенія съ „невидимыми Учителями“, и плодомъ этихъ сношеній была его книга *Esoteric Buddhism*, которая представляетъ первую попытку дать систематическій очеркъ эзотерической космогоніи.

Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть, какія нежелательныя послѣдствія повлекло за собой неудачно выбранное названіе этой книги и неправильная орфографія слова *Buddhism*. Именно эта книга и пропущенная въ ея названіи ошибка вызвали распространившееся повсюду мнѣніе, которое раздѣлялъ и Владимиръ Соловьевъ, когда писалъ свою статью

въ словарѣ Венгеровой *), что принесенная Е. П. Блаватской Теософія есть замаскированный Буддизмъ. А между тѣмъ, слово *Buddhism*, которое стоитъ въ заглавіи книги Синнетта, должно означать вовсе не ученіе Гаутамы Будды, а *эзотерическую Мудрость* отъ *Budha*, Мудрость (санскритскій корень *budh*—знать). Эта ошибка вызвала совершенно невѣрное представленіе, что тѣ эзотерическія религіозныя ученія, которыя впервые обнародованы Е. П. Блаватской, принадлежатъ Буддизму, религіи, исповѣдуемой на Востокѣ. Въ дѣйствительности, божественная Мудрость, Теософія, *Brahma Vidya*, доступную для современнаго сознанія часть которой Е. П. Блаватская старалась изложить въ своей „Тайной Доктринѣ“, является общимъ для *всѣхъ* религій эзотерическимъ ученіемъ, той „твердой пищей“, о которой Апостоль Павелъ упоминаетъ въ своемъ Посланіи къ Коринфянамъ (1 посл. III, 2), одинаково присущей и Браманизму, и Буддизму, и Зороастрианизму, и Христіанству. Статья Влад. Соловьева написана—если не ошибаюсь—17 или 18 лѣтъ назадъ; съ тѣхъ поръ духовное движеніе, созданное Е. П. Блаватской, продолжало расти и развиваться, и въ настоящее время, когда вся обширная теософическая литература на дѣлѣ доказала, съ какой серьезной любовью теософы изучаютъ эзотеризмъ *всѣхъ* религій, подобный упрекъ въ замаскированной проповѣди Буддизма былъ бы уже невозможенъ.

Слѣдующія пять лѣтъ до 1884 года прошли въ энергичной пропагандѣ Теософіи внутри Индіи. Оба основателя Теософическаго Общества разъѣзжали по всей Индіи, стараясь вездѣ возбудить интересъ къ высокой красотѣ древне-индусскихъ вѣрованій и вызвать воспоминаніе о былой славѣ великаго народа.

Такое отношеніе Е. П. Блаватской и Г. Олькотта, полное любви и энтузіазма къ религіи угнетеннаго народа, произвело огромное впечатлѣніе среди населенія Индіи. Когда основатели Теософическаго Общества явились въ Цейлонъ, имъ была устроена такая восторженная встрѣча, словно ихъ пріѣздъ былъ народнымъ событіемъ, и все духовенство острова съ Первосвященникомъ во главѣ привѣтствовало и благословляло ихъ.

Въ концѣ 1882 г., благодаря сырому климату Бомбея, оказавшемуся очень вреднымъ для здоровья Елены Петровны, она тяжело заболѣла. Это была первая изъ ея смертельныхъ болѣзней, когда доктора давали ей жить лишь нѣсколько часовъ и затѣмъ признавались, что ея быстрое выздоровленіе, при такомъ состояніи организма, было для нихъ совершенно непостижимо. И этотъ разъ доктора объявили ее без-

*) См. выше, стр. 14.

надежной; но въ самый разгаръ болѣзни, она исчезла изъ своей комнаты, гдѣ лежала въ безсознательномъ состояніи, а затѣмъ, дня черезъ три или четыре—вернулась домой совершенно здоровая. Исчезновеніе ея объясняютъ тѣмъ, что она безъ вѣдома своихъ домашнихъ была увезена на сѣверъ отъ Дарджилинга въ мѣсто, никому изъ нихъ неизвѣстное, и тамъ была вылечена своимъ Учителемъ. Ея сестра, Вѣра Петровна Желиховская, получила отъ нея какъ разъ около этого времени письмо изъ Дарджилинга (на границѣ Тибета), въ которомъ подтверждается это предположеніе близкихъ ей людей.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ передвиженій по Индіи, еще до болѣзни Елены Петровы, ей и Олькотту очень приглянулось небольшое помѣстье, по нашему вѣрнѣе—усадебъ, въ окрестностяхъ Мадраса, расположенная на морскомъ берегу; съ помощью мѣстныхъ индусскихъ членовъ Теософическаго Общества мѣсто это было куплено для Общества и въ немъ былъ устроенъ постоянный пріютъ для его представителей. Это и былъ *Адъяръ*, хорошо извѣстная „главная квартира“ (Head-quarters) Общества, въ которой до самой смерти прожилъ первый президентъ, а въ настоящее время живетъ его преемница, А. Безантъ, въ промежуткахъ между своими путешествіями въ Европу и Америку *); какъ разъ въ началѣ текущаго года владѣнія Адъяра расширились: благодаря стараніямъ новаго президента пріобрѣтены два участка, примыкающіе къ прежнему владѣнію Адъяра, которые въ честь основателей Теософическаго Общества названы „садами Блаватской“ и „садами Олькотта“. На этихъ участкахъ, по инициативѣ г-жи А. Безантъ построено въ тѣни деревьевъ нѣсколько домовъ для пріѣзжихъ теософовъ, чтобы дать возможность серьезнымъ работникамъ воспользоваться всѣми преимуществами Адъяра, между прочимъ прекрасной адъярской библіотекой, наполненной рѣдкими книгами всѣхъ вѣковъ по вопросамъ восточныхъ религій, философій и по оккультизму.

Послѣ переселенія въ Адъяръ, 19 декабря 1882 г., здоровье Елены Петровны оставалось настолько неудовлетворительнымъ, что потребовалась перемѣна климата и она переселилась „на время“,—какъ тогда всѣ думали—въ Европу. 7-го февраля 1884 года покинула она Адъяръ, провела лѣто того же года въ Лондонѣ, осень въ Эльберфельдѣ у своихъ друзей Гебхардовъ, и только и думала о томъ, чтобы скорѣй приняться за свою *Тайную Доктрину*, когда изъ Адъяра получилос извѣстіе о состоявшемся противъ нея заговорѣ, къ изложенію котораго мы сейчасъ и перейдемъ. Получивъ это извѣстіе, Елена Петровна

---

*) Въ настоящее время она находится въ Америкѣ, а въ началѣ іюня этого лѣта предсѣдательствовала на международномъ теософическомъ конгрессѣ въ Будапештѣ.

отправилась въ Индію, чтобы защитить свое доброе имя отъ взведенной на нее клеветы. Но новая болѣзнь вынудила ее снова покинуть Индію и, по настоянію доктора, вернуться въ Европу. Здѣсь, едва оправившись отъ перенесенныхъ волненій и болѣзни, она съ жаромъ принялась за свою *Тайную Доктрину*. Чтобы работать надъ ней безъ помѣхи, она выбрала уединенный Вюрцбургъ. На эту работу она смотрѣла какъ на главное дѣло своей жизни. Она была увѣрена, что человѣчество подошло къ нравственному кризису, что все усиливавшійся матеріализмъ могъ закристаллизовать сознание въ такой степени, что возвратъ къ духовности становился бы все труднѣе и труднѣе. Нужно было помочь ему, пробить окно въ духовный міръ, раскрыть передъ людьми невидимыя для нихъ дали. Такъ понимала Елена Петровна порученную ей задачу и съ свойственными ей энергіей и энтузіазмомъ принялась за дѣло. Зиму 1885 г. она провела въ Вюрцбургѣ сперва одна, а потомъ вдвоемъ съ графиней Вахтмейстеръ, которая взяла на себя заботу о ея матеріальныхъ нуждахъ. Совсѣмъ больная, страдающая отъ остраго ревматизма, который грызъ все ея измученное тѣло, она съ неослабѣвающимъ самоотверженіемъ сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ съ ранняго утра и до вечера, не давая себѣ никакого отдыха среди дня. Въ разгарѣ этого труда, поглощавшаго ее всю безъ остатка, на нее неожиданно обрушился второй страшный ударъ, который навѣрно раздавилъ бы каждую менѣе сильную душу.

Вотъ какъ графъ Вахтмейстеръ описываетъ это страшное для Елены Петровны утро въ декабрѣ 1885 г. „Никогда не забуду я словно застывшаго на лицѣ ея выраженія неописуемаго страданія, съ которымъ она взглянула на меня, когда я вошла къ ней утромъ и застала ее съ только-что полученнымъ отчетомъ г-на Ходжсона въ рукахъ. „Вотъ, воскликнула она, какова карма Теософическаго Общества! Она обрушивается на меня, и я—козелъ отпущенія! Я должна нести на себѣ грѣхи Общества, и теперь, когда меня заклеямили величайшей обманщицей, да еще русской шпіонкой вдобавокъ, кто будетъ слушать меня, кто будетъ читать Тайную Доктрину? Какъ буду я продолжать дѣло Учителя? О, проклятые феномены, которые я дѣлала, чтобы удовлетворить друзей и поучать окружающихъ! Какъ я вынесу такую страшную карму? Какъ переживу все это? Если я умру, пострадаетъ дѣло Учителя и Общество погибнетъ!“ *)

Отчетъ, который потрясъ ее такимъ образомъ, принадлежалъ слѣдователю Ходжсону, посланному Лондонскимъ Обществомъ для Пси-

*) Reminiscences of H. P. Blavatsky by Countess Wachtmeister London 1893 г. стр. 25 и 26.

хическихъ Изслѣдованій въ Индію, съ цѣлью провѣрить на мѣстѣ обвиненія Куломбовъ въ поддѣльности всѣхъ необычайныхъ явленій, которыя происходили въ Адъярѣ. Отчетъ признавалъ всѣ эти явленія результатомъ мошенническихъ подлоговъ, совершенныхъ Еленой Петровной съ помощью помощниковъ и при посредствѣ продѣланныхъ отверстій и задвижныхъ дверей. Въ такомъ видѣ результатъ слѣдствія былъ представленъ Совѣту Общества Психическихъ Изслѣдованій и, санкціонированный этимъ Совѣтомъ, былъ напечатанъ въ его протоколахъ. Теперь, когда прошло столько времени и когда выяснились всѣ подробности этого процесса, въ которомъ на одной сторонѣ были: ясно обнаруженный подкупъ (миссіонеръ Паттерсонъ не скрывалъ, что платилъ Куломбамъ за доставленныя ими письма, приписанныя Е. П. Блаватской), подложныя письма, и, въ качествѣ единственныхъ обвинителей, двое расчитанныхъ за дурное поведеніе слугъ, а съ другой стороны свидѣтельства всѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ Е. П. Блаватской и Г. Олькотта, д-ра Ф. Гартманъ, Джеджа, Ледбитера, Броуна, Домадара, Субба-Рао и др., большинство которыхъ жило въ адъярскомъ домѣ, затѣмъ—всѣми уважаемыхъ г-на Синнетта и генераль-маіора Моргана, бывшаго секретаря министерства по дѣламъ Индіи г-на Лэнъ-Фокса *), инженера Четти и др. вплоть до инспектора полиціи, и множества извѣстныхъ и уважаемыхъ Индусовъ, которые всѣ единодушно утверждали, что обвиненія мужа и жены Куломбъ—ложь и вздорная клевета; когда все это знаешь, является потребность узнать, какъ могъ цѣлый синклитъ ученыхъ съ извѣстнымъ Майерсомъ во главѣ не усмотрѣть всей несостоятельности слѣдствія, произведеннаго Ходжсономъ; какъ могли они не замѣтить, что все его обвиненіе, налагавшее на доброе имя обвиняемой позорное клеймо мошенничества, было основано исключительно на показаніяхъ двухъ лицъ, которыя сами признавали себя за ея сообщниковъ... Это осталось бы неразгаданной тайной, если бы все дѣло не происходило въ первой половинѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда матеріалистическій гипнозъ въ наукѣ былъ настолько силенъ, что все, недоступное провѣркѣ физическихъ чувствъ, отвергалось какъ „не выдерживающее научной критики“.

Суть дѣла состояла въ томъ, что послѣ отъѣзда Е. П. Блаватской и Г. Олькотта изъ Адъяра въ Европу, который состоялся 7 февраля 1884 годъ, оставшіеся въ Адъярѣ ближайшіе сотрудники ихъ, въ срединѣ мая того же года порѣшили удалить изъ дома экономку Куломбъ и ея мужа, которые надоѣли имъ своими интригами, дурнымъ харак-

---

*) Лэнъ-Фоксъ помѣстилъ въ Times 9 октября 1884 г. письмо, опровергающее взведенныя на Е. П. Блаватскую обвиненія.

теромъ и нечестностью. Взяты они были Еленой Петровной изъ состраданія къ ихъ бѣдственному положенію, а когда Е. П. Блаватскія уѣхала изъ Адъяра, они, подѣ предлогомъ ремонта, завладѣли ея комнатами, и зная, что ихъ положеніе въ домѣ становится все болѣе шаткимъ, рѣшились отомстить, судя же по дальнѣйшему ихъ поведенію, надѣялись, вѣроятно, извлечь и матеріальную пользу изъ этой мести. Съ этой цѣлью столяръ Куломбъ принялся ломать стѣну въ спальнѣ Елены Петровны и дѣлать разныя приспособленія, которыя должны были доказать, что она производила свои феномены съ помощью потайныхъ дверей и другихъ мошенническихъ приемовъ. Къ счастью, имъ не удалось докончить начатаго, и когда отъ нихъ потребовали ключи отъ комнатъ Елены Петровны, и нѣскольکو теософовъ, въ числѣ которыхъ были д-ръ Гартманнъ, Субба-Рао, судья Сринаваза-Рао, г-нъ Броунъ, Дамодаръ и другіе, вошли въ ея спальню, они увидѣли слѣдующее: въ стѣнѣ, заставленной шкафомъ, было пробито отверстіе, которое было недодѣлано и должно было, по всей вѣроятности, пройти насквозь въ сосѣдную, такъ-называемую „оккультную комнату“, въ которой—какъ разъ противъ сдѣланнаго отверстія—висѣлъ на противоположной сторонѣ стѣны небольшой шкафъ, гдѣ чаще всего происходили различныя феномены. Цѣль Куломбовъ была ясна: въ шкафу, стоявшемъ въ спальнѣ, они уже устроили подвижную стѣнку, которая, впрочемъ, скрипѣла и плохо двигалась; вѣроятно, такую же стѣнку они предполагали сдѣлать и въ шкафу, висѣвшемъ въ оккультной комнатѣ, а стѣну, отдѣлявшую оба шкафа, они уже начали ломать съ цѣлью сдѣлать отверстіе, черезъ которое можно бы сообщаться изъ спальни съ „оккультной комнатой“ черезъ висѣвшій тамъ шкафъ. Но это имъ не удалось, и въ теченіе всего лѣта 1884 года многочисленныя посѣтители Адъяра разсматривали и начатую дыру въ стѣнѣ, которая была такого размѣра, что 10-лѣтній мальчикъ могъ съ трудомъ въ нее влѣзть, и подвижную спинку шкафа, которая скрипѣла и не хотѣла скользить. Осенью 1884 г., слѣдовательно до возвращенія Елены Петровны и до появленія въ Индіи слѣдователя *Ходжсона*, В. Джеджъ, замѣнявшій президента на время его отсутствія, рѣшилъ уничтожить слѣды дѣятельности Куломбовъ; съ этой цѣлью онъ пригласилъ тридцать свидѣтелей, которые всѣ подписались подѣ протоколомъ, свидѣтельствовавшимъ о продѣланномъ въ стѣнѣ отверстіи, послѣ чего приглашенный имъ каменщикъ задѣлалъ пробитую стѣну и комнату оклеили новыми обоями. Но все это не помѣшало командированному Обществомъ Психическимъ Изслѣдованій *Ходжсону*, который пріѣхалъ въ Адъяръ весной 1885 года и не могъ видѣть ничего, кромѣ гладкой стѣны, такъ какъ отверстіе было сдѣлано осенью 1884 года, приложить къ своему

отчету планъ комнаты (стр. 220) съ пробитой стѣной, вводя читателей отчета въ заблужденіе, будто онъ самъ видѣлъ отверстіе и самъ набросалъ планъ, тогда какъ планъ этотъ былъ составленъ Джедженомъ до задѣлки отверстія. Между тѣмъ, Куломбы, потерпѣвъ неудачу въ своемъ первомъ предпріятіи, придумали новое: они поддѣляли цѣлый рядъ писемъ *), будто бы написанныхъ Еленой Петровной къ своей сообщницѣ г-жѣ Куломбъ, въ которыхъ дѣлаются признанія въ различныхъ мошенничествахъ. Это предпріятіе удалось: письма были куплены іезуитомъ миссіонеромъ Паттерсономъ и напечатаны въ *Christian College Magazine*. Но самое непонятное изъ этой вторичной попытки предать и продать Елену Петровну выпадаетъ на долю самого слѣдователя Ходжсона: не смотря на то, что Е. П. Блаватская клятвенно отрицала подлинность этихъ писемъ, не смотря на всѣ признаки поддѣлки (орфографическія ошибки во французскихъ словахъ, перепутанныя имена и т. д.), не смотря на взрывъ негодованія всѣхъ знавшихъ Елену Петровну порядочныхъ людей, г-нъ Ходжсонъ не согласился показать эти письма ни ей, ни ея близкимъ, и въ то же время всѣ свои обвиненія строилъ на нихъ. Другое обвиненіе Ходжсона состояло въ томъ, что письма Учителей писались самой Еленой Петровной, и это обвиненіе поддерживалось имъ не смотря на то, что берлинскій экспертъ Шютце утверждалъ, что „нѣтъ ни малѣйшаго сходства между почеркомъ этихъ писемъ и почеркомъ Е. П. Блаватской“. Но самымъ интереснымъ является конечный выводъ Ходжсона: отвергнувъ цѣлый рядъ психологическихъ мотивовъ, которые могли бы заставить Е. П. Блаватскую пуститься въ такія поддѣлки, онъ рѣшаетъ, что она была агентомъ русскаго правительства и дѣйствовала въ пользу русскихъ интересовъ, въ доказательство чего и представляетъ „документъ“ (опять - таки выкраденный г-жей Куломбъ изъ бумагъ Елены Петровны). Къ несчастью для г-на Ходжсона редакторъ газеты *Pioneer* узналъ въ этомъ документѣ отрывокъ изъ перевода Елены Петровны „Путешествіе въ центральную Азію“ полковника Гродекова, который она дѣлала для его газеты. Вѣроятно вышла неудачная страница и она выбросила ее въ корзину для бумагъ, откуда „документъ“ и попалъ въ руки проницательнаго слѣдователя.

Я не могу останавливаться долѣе на подробностяхъ этого процесса; прибавлю только, что онъ вызвалъ въ свое время со стороны заинтересованныхъ лицъ новыя разслѣдованія на мѣстѣ, которыя опровергли всѣ выводы слѣдователя Ходжсона. Протоколы этихъ разслѣдо-

*) Знающіе Куломбоу говорятъ о большомъ сходствѣ почерка мужа Куломбы съ почеркомъ Е. П. Блаватской.

ваній и многочисленныя протесты, появившіеся въ то время въ газетахъ Индіи и Америки, составили цѣлую литературу. Наиболѣе цѣнные данныя изъ всѣхъ тогдашнихъ разслѣдованій были, послѣ тщательной провѣрки, собраны новымъ президентомъ Теософическаго Общества А. Безантъ и изданы въ 1907 году подъ заглавіемъ *H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom*. Въ этой книгѣ интересующіеся могутъ узнать правду относительно процесса Куломбъ-Ходжсона.

Какъ бы то ни было, а дѣло было сдѣлано: клевета была пущена гулять по свѣту и люди, стоявшіе далеко отъ истиннаго положенія вещей, долго еще продолжали повторять невѣжественныя обвиненія Ходжсона, ровно ничего не понимавшаго въ восточномъ оккультизмѣ. Тѣхъ же, которые старались вникнуть въ дѣло, чрезвычайно смущалъ вопросъ: отчего *ясновидящая* Елена Петровна не знала, что готовится противъ нея заговоръ? И отчего не спасли ее Учителя, къ которымъ она относилась съ такой глубокой преданностью? Въ отвѣтъ на первый вопросъ можно указать на тотъ случай ясновидѣнья, который сестра Елены Петровны приводитъ въ біографіи Е. П. Б. *) Она сильно беспокоилась за своего сына. Замѣтивъ это, Елена Петровна попросила ее помолчать, закрыла глаза, и, послѣ нѣсколькихъ мгновеній сосредоточеннаго вниманія, сказала сестрѣ, чтобы она не тревожилась, что сынъ ея живъ. *Для ясновидѣнья нужна такая же фиксация вниманія, какъ и для физическаго зрѣнія.* Каждый испыталъ на себѣ, какъ ускользаютъ отъ человѣка окружающіе объекты, когда вниманіе его занято однимъ опредѣленнымъ предметомъ, а мы знаемъ, что Елену Петровну въ то время занимали чрезвычайно серьезныя задачи. И она конечно не думала о продѣлкахъ оставшихся въ Адъярѣ Куломбовъ. Великодушныя люди всегда довѣрчивы; а когда узнаешь, какихъ большихъ размѣровъ была душа у Елены Петровны, становится вполне понятно, что ей не хотѣлось устремлять свое вниманіе на мелкія предательства, о которыхъ ее не разъ предупреждали. Она просто не останавливалась на нихъ и пользовалась своимъ ясновидѣніемъ для болѣе достойныхъ и интересныхъ цѣлей.

Гораздо труднѣе отвѣтить на второй вопросъ, такъ какъ онъ относится до психическихъ законовъ высшей ступени сознанія, на которой многое проявляется совершенно иначе, чѣмъ на нашей низшей ступени, хотя для понимающаго законъ кармы не трудно догадаться, почему Учитель никогда не пользуется *своими высшими силами* для измененія человѣческой судьбы. Законъ кармы учить, что все, происхо-

---

*) „Русское Обозрѣніе“ Ноябрь, Декабрь 1891 г.

щее съ человѣкомъ во время его земной жизни, есть результатъ ихъ же совершеннаго въ прежнихъ существованіяхъ, есть возстановленіе ихъ же нарушеннаго равновѣсія или справедливости, что одно и тоже. Поэтому, Адепты Мудрости не считаютъ себя въ правѣ вліять на совершающуюся карму кого бы то ни было *своими оккультными силами*. Въ предѣлахъ всѣмъ доступнаго человѣческаго участія и состраданія они могутъ дѣйствовать, и въ этихъ предѣлахъ они сдѣлали все, что можно было сдѣлать, предупреждая неоднократно и остававшихся въ Адъярѣ, и уѣхавшаго въ Европу Олькотта *). Иное вмѣшательство было бы нарушеніемъ духовнаго Закона, который въ *Голосъ Безмолвія* выражается такъ: „Она (стезя отреченья) приводитъ Архата къ неизреченной душевной печали; печали за „живого мертвеца“ **) и безсильной жалости къ страдающему человѣчеству, подлежащему всѣмъ бѣдствіямъ кармы; ибо мудрые знаютъ, что плоды кармы не могутъ быть устранимы“. И дальше: „Научай не создавать новыхъ причинъ; но волнѣ послѣдствій, подобно великой волнѣ прилива, ты не долженъ ставить преградъ, дабы завершился ея естественный бѣгъ“ ***). Прибавлю къ этому и еще одно указаніе: на тѣхъ высшихъ ступеняхъ человѣческаго духа, о которыхъ идетъ рѣчь, мѣра, которой *им* мѣряемъ событія, не имѣетъ значенія, и то, что для насъ кажется чрезвычайно важнымъ, является совсѣмъ не важнымъ тамъ.

Чтобы покончить совсѣмъ съ этимъ тяжелымъ эпизодомъ изъ жизни Е. П. Блаватской, нужно сказать нѣсколько словъ о ея поѣздкѣ осенью 1884 года въ Индію, о которой было упомянуто лишь вскользь. Узнавъ о продѣлкахъ Куломбъ и о поддѣльныхъ письмахъ, напечатанныхъ Паттерсономъ въ *Christian College Magazine*, она поѣхала туда съ надеждой привлечь Куломбовъ и Паттерсона къ судебной отвѣтственности, выяснить на судѣ всю правду и возстановить свое доброе имя. Но ей пришлось еще разъ пожертвовать собой. Комитетъ, состоявшій изъ 24 наиболѣе уважаемыхъ членовъ Теософическаго Общества, Европейцевъ и Индусовъ, рѣшилъ, что искъ съ ея стороны выдвинетъ на сцену вопросъ о Махатмахъ, и они сами, а также ихъ отношенія къ ученикамъ, станутъ темой для пересудовъ и насмѣшекъ совершенно невѣжественныхъ въ вопросахъ восточнаго оккультизма англійскихъ судей, а это обстоятельство можетъ оскорбить чувства Индусовъ. Этотъ мотивъ былъ для нея важнѣе ея личной судьбы и—она покорилась. Необходимо къ этому прибавить, что она обрадовалась,

*) См. рассказъ В. П. Желиховской о письмѣ къ Олькотту. „*Русское Обозрѣніе*“ 1891 г.

**) Не пробужденный духовно человѣкъ.

***) Голосъ Безмолвія. Стр. 43 и 44.

когда узнала, что Общество Психическихъ Изслѣдованій посылаетъ въ Индію своего повѣреннаго для разслѣдованья всего дѣла на мѣстѣ, что и выражала въ своихъ письмахъ. Изъ этого читатель пойметъ, до чего неожиданъ былъ ударъ, который ей нанесъ отчетъ Ходжсона.

Чрезвычайно важнымъ доказательствомъ вздорности всѣхъ обвиненій слѣдователя Ходжсона и правоты Елены Петровны служатъ тѣ оваціи и знаки уваженія и сочувствія, съ которыми Индусы встрѣтили Елену Петровну, когда она пріѣхала въ Мадрасъ уже послѣ клеветъ, взведенныхъ на нее Куломбами и Паттерсономъ. Если бы въ обвиненіяхъ слѣдователя была хотя искра правды, Индусы должны бы забросать не цвѣтами, какъ это было въ дѣйствительности, а камнями ту женщину, которая изъ личныхъ темныхъ цѣлей надругалась надъ ихъ священными завѣтами. Самая идея Махатмъ и сношенія съ ними имѣютъ для Индусовъ такое высокое значеніе, что они никогда не простили бы тому, кто сдѣлалъ изъ этихъ сношеній поводъ для подлога и шутовского маскарада, въ чемъ обвиняли Елену Петровну Куломбы и чему повѣрилъ Ходжсонъ.

А между тѣмъ, Индусы встрѣтили ее со всѣми признаками глубокаго уваженія и въ обращенныхъ къ ней привѣтственныхъ рѣчахъ опредѣляли ея дѣятельность совершенно иначе, чѣмъ лондонскій ареопагъ ученыхъ; они благодарили ее за „возрожденіе санскритской литературы, за старанія примирить религію съ наукой, за пролитіе свѣта на потустороннюю судьбу человѣка, за соединеніе различныхъ индусскихъ кастъ въ одно братское чувство взаимной симпатіи, за вѣрную передачу арійской Мудрости, которая подвергалась такимъ искаженіямъ со стороны Европейцевъ“.

Нужно думать, что это благодарное отношеніе Индусовъ принесло нѣкоторое утѣшеніе Еленѣ Петровнѣ; но нравственное потрясеніе было настолько сильно, что она тяжело заболѣла. Лечившій ее докторъ настоялъ на ея немедленномъ возвращеніи въ Европу, и друзья перенесли ее въ носилкахъ на пароходъ, который и увезъ ее навсегда изъ привлекавшей ее съ юныхъ лѣтъ „страны чудесъ“. Въ Европѣ она, какъ уже было сказано, избрала тихій Вюрцбургъ, чтобы безъ помѣхи писать *Тайную Доктрину*, и прожила сперва въ этомъ нѣмецкомъ городкѣ, а потомъ въ Остендѣ, вдвоемъ съ граф. Вахтмейстеръ до своего переселенія въ 1887 году въ Лондонъ. Въ Остендѣ на глазахъ гр. Вахтмейстеръ произошло ея третье чудесное выздоровленіе. Два доктора нашли ея положеніе безнадежнымъ и только удивлялись, какъ она могла жить съ такими сложными недугами. Ночью съ ней началась агонія; долго сидѣла около нея гр. Вахтмейстеръ, пока не забылась. „Когда я открыла глаза, первые утренніе лучи прокрались въ комнату и на

меня напалъ страхъ, что я спала, а въ это время Е. П. Б. могла умереть... Я съ ужасомъ повернулась къ ея кровати, но вмѣсто трупа увидѣла Е. П. Б., смотрящую на меня спокойно своими ясными сѣрыми глазами. „Графиня, идите сюда“, сказала она. Я бросилась къ ней. „Что случилось? Вы совсѣмъ не та, что были ночью!“—Она отвѣтила: „Да, Учитель былъ здѣсь; Онъ предложилъ мнѣ на выборъ или умереть и освободиться, если я того хочу, или жить еще и кончить „Тайную Доктрину“, Онъ сказалъ мнѣ, какъ тяжелы будутъ мои страданія и какое трудное время предстоитъ мнѣ въ Англїи—я вѣдь должна буду туда поѣхать. Но когда я подумала о тѣхъ людяхъ, которымъ мнѣ разрѣшено передать мои знанія и о Теософическомъ Обществѣ, которому я уже отдала кровь своего сердца, я рѣшилась пожертвовать собой“... Окончила она свою рѣчь веселой шуткой, а когда пришелъ докторъ и еще нѣсколько лицъ и она встрѣтила ихъ на ногахъ и завела съ ними шутливый разговоръ, удивленіе ихъ не знало границъ *).

И она „промучилась“ еще пять лѣтъ, потому что съ земной точки зрѣнія тотъ напряженный трудъ, который она несла до послѣдняго часа, несмотря на жестокія физическія страданія, нельзя назвать иначе, какъ мученичествомъ. За эти пять лѣтъ многое было сдѣлано: написаны три тома „Тайной Доктрины“, изъ которыхъ два были напечатаны при ней, а третїи послѣ ея смерти; написаны: „Ключъ къ Теософіи“ и „Голосъ Безмолвія“ и множество статей въ журналѣ „Lucifer“, который она начала издавать немедленно послѣ водворенія въ Лондонѣ. Кромѣ этого литературнаго труда, который бралъ у нея, по показаніямъ многочисленныхъ свидѣтелей послѣднихъ лѣтъ ея жизни, по 12 часовъ въ день, она по вечерамъ была окружена посѣтителями, въ числѣ которыхъ было много литераторовъ и ученыхъ. Въ это время англїйскій отдѣлъ Теософическаго Общества былъ уже вполнѣ сформированъ и по четвергамъ собиралась первая Теософическая Ложа, которая и до сихъ поръ носить названіе „Blavatsky Lodge“; на этихъ вечернихъ собраніяхъ всегда присутствовала Елена Петровна, давая отвѣты на многочисленные вопросы, съ которыми члены ложи обращались къ ней. Къ этому же времени относится появленіе среди теософовъ, окружавшихъ Елену Петровну, г-жи А. Безантъ, ставшей послѣ ея смерти главой и сердцемъ теософическаго движенія.

Въ маѣ 1891 года, почти безъ всякой предупреждающей болѣзни, Елена Петровна скончалась въ своемъ рабочемъ креслѣ, какъ истинный воинъ Духа, какимъ она была всю жизнь. Ея тѣло было предано сожженію и пепель былъ раздѣленъ на 3 части: одна часть сохра-

---

*) Reminiscences of H. P. B. by countess Wachtmeister p. 75, 76.

няется въ Адъярѣ, другая въ Нью-Йоркѣ, третья оставлена въ Лондонѣ. День ея успокоенія чествуется въ трехъ частяхъ свѣта подъ названіемъ *Дня Благо Лотоса*. Теософы всего міра стараются ознаменовать этотъ день добрыми дѣлами. Въ Бомбеѣ, Адъярѣ и Калькуттѣ, въ этотъ день даютъ обѣды тысячамъ бѣдняковъ и раздаютъ имъ Бхагаватъ-Гиту; въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и еще въ нѣсколькихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ происходитъ тоже самое, но особенно горячо чествуютъ ея память на Цейлонѣ, гдѣ все населеніе чтитъ ея имя.

Г л а в а І V .

Міровое значеніе Е. П. Блаватской.

Чтобы вѣрно оцѣнить міровое значеніе принесенныхъ Е. П. Блаватской откровеній, необходимо знать, насколько они были нужны и своевременны именно для нашей эпохи, а для этого слѣдуетъ схватить общій смыслъ всего переживаемаго человѣчествомъ на нашихъ глазахъ. Но несчастье современнаго европейскаго сознанія въ томъ, что оно расколосось на такое множество точекъ зрѣнія, ничѣмъ несвязанныхъ между собой, съ которыхъ разсматривается и оцѣнивается вся текущая дѣйствительность, что прійти къ чему либо общему и согласованному, для него чрезвычайно трудно. Необходимость объединенія на чемъ-либо общемъ—едва ли не важнѣйшая духовная потребность нашего времени, и хотя двѣ главныя системы мысли, одна—приводящая всѣ явленія къ матерьяльнымъ процессамъ, а другая—къ духовнымъ, и служатъ къ извѣстному обобщенію, покрывая своимъ знаменемъ множество противорѣчивыхъ теорій и воззрѣній, но, развиваясь въ противоположныхъ направленіяхъ, онѣ раскалываютъ сознанье и неизбежно будутъ все болѣе удаляться отъ полноты истины, если не найдется нѣчто связывающее, какая-либо общая основа, которая примирила бы ихъ и соединила въ одну цѣльную согласованную систему. А между тѣмъ, это связывающее *ничто* существуетъ, и сама европейская наука подошла уже совсѣмъ вплотную къ тому объединяющему началу, которое проникаетъ одинаково и матерьяльную жизнь, и жизнь духовную. Это объединяющее начало, эта скрытая пружина всякой жизни есть *эволюція*, развитіе изъ простаго въ сложное, изъ несовершеннаго въ совершенное, какъ въ мірѣ формъ, такъ и въ мірѣ духа, ведущее насъ къ разумной и благой цѣли. Принявъ одновременную эволюцію формы и

жизни за мѣрило человѣческаго прогресса, мы сразу поднимемся надъ всѣмъ противорѣчіемъ современной мысли и станемъ на такой наблюдательный постъ, откуда возможно окинуть *всѣ* процессъ жизни въ ея цѣломъ.

Если мы захотимъ отыскать корни всего, что совершается въ нашихъ глазахъ, мы должны искать ихъ очень глубоко, въ той древности, которая служила колыбелью нашей расы. Въ тѣ незапамятные времена, когда арійская раса была еще въ своемъ младенческомъ возрастѣ, цивилизація ея достигала чрезвычайной высоты и блеска: объ этомъ все яснѣе говорятъ раскопки послѣднихъ десятилѣтій. Судя по сохранившимся образцамъ, не было той отрасли человѣческаго творчества, въ которой древніе народы не достигли бы высокаго совершенства. Стоитъ лишь вспомнить ихъ неподдающіяся времени колоссальныя постройки, которыя требовали не только знанія высшей механики и математики, но еще какихъ-то знаній, которыми не владѣютъ современные инженеры; или ихъ удивительные водопроводы, превращавшіе раскаленную почву юга въ цвѣтушіе сады. А по научнымъ разслѣдованьямъ послѣднихъ лѣтъ, не только всѣ наши религіозныя идеи и символы, но и всѣ мелочи нашего домашняго обихода, до игръ и развлеченій включительно, все это было уже извѣстно, все это такъ или иначе проникло къ намъ съ древняго Востока *).

Какъ же объяснить это явленіе? Вѣдь несомнѣнно, что тѣ древніе народы были родоначальники нашей расы, несомнѣнно, что въ нихъ выразилась ея юность. Какъ же могли они достигнуть такого совершенства культуры и знать уже въ дѣтствѣ то, что знаемъ черезъ многія тысячелѣтія мы, ихъ взрослые потомки? Логика вещей и наблюденія надъ процессами природы, у которой ничего не пропадаетъ даромъ и ничто не повторяется на одной и той же ступени, заставляютъ думать, что тѣ древнія цивилизаціи имѣли совершенно инныя задачи, чѣмъ наша современная цивилизація. Ученія Теософіи подтверждаютъ эту догадку: они учатъ, что земная жизнь *всего* человѣчества представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое, имѣющее одну общую цѣль: *развитіе* *всѣхъ сторонъ сложнаго* *человѣческаго* *сознанія*. Для этого дается поле дѣйствія—земля, и на этомъ полѣ всѣ отдѣльные народы, въ различныя эпохи, путемъ разнообразныхъ культуръ, работаютъ—каждый надъ своей особой задачей, содѣйствуя осуществленію единаго, общаго для всего человѣчества разумнаго плана.

---

*) Это—утвержденіе не только теософовъ, но и представителей позитивной науки; такъ, проф. Випперъ высказалъ какъ разъ эту увѣренность въ своей публичной лекціи въ Москвѣ 2 ноября 1906 г. Лекція эта напечатана въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ „Съ Востока Свѣтъ“.

Въ той древности, гдѣ нужно искать корни всего, что мы переживаемъ въ настоящее время, масса человѣчества была еще въ состояніи дѣтства, индивидуальное начало было еще въ зачаткѣ, сознание работало смутно и мечтательно, создавая неопредѣленные мысли, лишенные отчетливыхъ граней, какія бываютъ у маленькихъ дѣтей, но зато человѣчество пользовалось огромнымъ преимуществомъ: оно дѣйствовало подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ высокихъ Руководителей, сверхчеловѣческой мудростью и великими знаніями которыхъ и объясняется поражающая насъ высокая степень древнихъ культуръ. Руководителей этихъ называютъ общимъ именемъ „Посвященные“; имя это происходитъ отъ того, что старшій „посвящаль“ младшаго, т. е. передавалъ ему свои знанія, если послѣдній по своимъ нравственнымъ качествамъ былъ достоинъ вступить въ число руководителей юнаго человѣчества. Въ эзотерическихъ преданіяхъ всѣхъ древнихъ народовъ есть множество указаній на то, что во главѣ всѣхъ отдѣловъ общественной жизни стояли именно такіе „Посвященные“, поднявшіеся надъ эгоизмомъ и надъ личными интересами.

Въ сущности, мы не имѣемъ никакого представленія о тѣхъ временахъ, и лишь смутное воспоминаніе о нихъ сохранилось въ легендахъ о „золотомъ вѣкѣ“ человѣчества. Мы узнаемъ древнія цивилизаціи, когда онѣ уже заканчивали свою внутреннюю задачу—воспитать юное человѣчество, когда сохранились лишь внѣшнія формы, которыя всегда переживаютъ одушевлявшую ихъ когда-то жизнь. Оттого эти цивилизаціи и производятъ на насъ впечатлѣніе дряхлости. Самая раса можетъ быть въ общемъ очень молода, а формы ея жизни будутъ отжившими, дряхлыми, если онѣ уже сыграли свою роль и ихъ поддерживаютъ искусственно, когда растущая жизнь требуетъ уже новыхъ формъ; по той же причинѣ и отдѣльныя народности, которыя не ищутъ новыхъ путей и слишкомъ долго задерживаются на старыхъ, приходятъ въ упадокъ.

Когда дѣтство арійской расы приблизилось къ концу и на очередь стало развитіе *личнаго начала и самостоятельной инициативы*, тогда Руководители человѣчества стали отступать отъ него все далѣе, и для него настало время самому создавать свои задачи и осуществлять ихъ по своему.

Въ эзотеризмѣ есть выраженіе: *человѣчество осиротѣло*. Это и означаетъ упомянутый переходъ къ самостоятельному творчеству.

Чтобы могла осуществиться главная цѣль земного творчества—развитіе всѣхъ сторонъ человѣческаго сознанія, потребовалась вся та неоглядная вереница историческаго опыта, который выразился въ смѣнѣ господствующихъ народностей, въ насажденіи разнообразныхъ культуръ,

въ созданіи различныхъ типовъ общественнаго строя. Съ этимъ ключомъ вся человѣческая исторія читается по новому, и можно догадаться, какую задачу пришлось осуществлять и нашей западно-европейской культурѣ. Она развивала ту сторону сознанія, которую вѣрнѣе всего называть *земной разумъ*, низшей *manas*, она доводила его до полной *опици-ливости*, до совершенства, и напряженностью своихъ эгоистическихъ задачъ, и высокими формами своихъ научныхъ дисциплинъ отточила аналитическое мышленіе до художественнаго совершенства.

На зарѣ своей юности, наша арийская раса пользовалась непосредственныхъ руководствомъ; мы имъ *не* пользуемся, но, отъ времени до времени, когда сознаніе людей проходитъ черезъ острые кризисы, когда новыя начала жизни вступаютъ въ борьбу съ отживающимъ, людямъ дается высшая помощь въ формѣ разнообразныхъ духовныхъ воздѣйствій, иногда посылаются въ міръ ученики съ совершенно опредѣленной миссіей. Такая миссія была возложена на Елену Петровну Блаватскую въ концѣ истекшаго столѣтія. Если мы оглянемся на ту эпоху, когда Елена Петровна основала Теософическое Общество, мы увидимъ всѣ особенности западно-европейской культуры доведенныя до своего полнаго расцвѣта: благодаря эгоистическому царству капитала и матерьялистическому строю мышленія, внѣшняя жизнь приняла уродливыя формы ожесточенной борьбы за существованіе, беспощадной конкуренціи, взаимной вражды и озлобленности, а въ области духа шло постепенное угасаніе идеала и беспощадное вытравленіе всякаго религіознаго начала...

Плоды этого расцвѣта созрѣли на нашихъ глазахъ, мы присутствуемъ при небывалой еще картинѣ всемірной революціи, и на нашихъ же глазахъ, въ бездонныхъ глубинахъ мысли и сердца всего культурнаго человѣчества, начинается поворотъ и поднятіе на новую ступень сознанія. Если представить себѣ картину европейскаго будущаго въ случаѣ, если бы дальнѣйшее развитіе продолжалось по тѣмъ же линіямъ безудержнаго эгоизма и угашенія всѣхъ духовныхъ запросовъ, станетъ понятнымъ, что никогда не было такой острой нужды въ высшемъ воздѣйствіи. Въ отвѣтъ на эту нужду и явилось раскрытіе древнихъ тайныхъ ученій и основаніе Теософическаго Общества. Незадолго до этого времени, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и Европы, начали обращать на себя вниманіе спиритическія явленія. Спиритизмъ появился въ тѣ года со своими потрясающими медиумическими феноменами не случайно; онъ представлялъ собою тотъ таранъ, которой пробивалъ первую брешь въ сознаніи, онъ долженъ былъ расшатать заплонившій умы матерьялизмъ и заставить людей задуматься. И мы видимъ, какой общій переполохъ въ общественномъ мнѣніи и

какую тревогу среди ученыхъ вызвали въ то время явленія спиритизма. Вѣра въ существованіе одного лишь физическаго міра была расшатана. Но этого было мало. Вся жизнь требовала перестройки, а внѣшнему строительству должно предшествовать внутреннее преображеніе. Послѣднее же требуетъ вѣры, энтузіазма, высокаго идеала. Религіозныя идеи, выросшія на европейской почвѣ, оторванныя отъ жизни и науки, были безсильны повліять на сознаніе. Необходимъ былъ притокъ новой духовной энергіи. Такой энергіей проникнуты эзотерическія ученія древнихъ посвященныхъ, которыя вдохновляли творчество всѣхъ античныхъ арійскихъ народовъ. Раскрыть впервые ихъ тайный смыслъ выпало на долю русской женщинѣ. И, какъ и слѣдовало ожидать, ея миссія вызвала къ себѣ вниманіе во всемъ мірѣ, вплоть до африканскаго Трансваала прежде, чѣмъ ее признали на родинѣ. А между тѣмъ, нигдѣ жажда духовнаго обновленія не чувствуется съ такой глубокой искренностью, какъ у насъ, и можетъ быть ни у кого нѣтъ такой органической духовной связи съ древней Индіей, какъ у русскихъ. Лучшіе русскіе люди были всегда идеалисты, а древняя Индія вся проникнута высокимъ идеализмомъ своей чистой, пламенной, безбрежной религіозной философіи.

Если вдуматься въ тѣ три главныя цѣли, которыя основательница Теософическаго Общества поставила на его знамени, мы найдемъ въ нихъ поразительное соотвѣтствіе главнымъ духовнымъ нуждамъ нашего времени. Мы изстрадались отъ вражды партій, классовъ и народовъ; Теософія ставитъ на своемъ знамени *всеобщее братство* безъ различія національности, религіи и касты. Мы жаждемъ примиренія между мыслью и сердцемъ, сліянія идеала съ дѣйствительностью. Теософія приноситъ намъ научно-религіозный синтезъ древняго Востока, въ которомъ всѣ стороны человѣческой жизни, и матерьяльной, и духовной, представляютъ нѣчто цѣльное, неразрывно связанное единствомъ религіознаго сознанія. Мы переросли наши психологическія понятія, усложнившаяся душевная жизнь современнаго человѣка требуетъ новыхъ приемовъ воспитанія, новыхъ методовъ внутренней культуры, Теософія даетъ намъ совершенно новую для европейскаго сознанія психологію, *опытно* провѣренную и научно обоснованную на законѣ духовной эволюціи.

Въ состояніи ли Теософія выполнить свои обѣщанія? Отвѣтомъ на это служить болѣе чѣмъ 30-лѣтнее существованіе Теософическаго Общества. Такая провѣрка уже давно обнаружила бы ея несостоятельность; но союзъ теософовъ продолжаетъ крѣпнуть и расти, несмотря на то, что онъ не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ формъ, никакихъ догматовъ, ничего—съ обыденной точки зрѣнія—завлекательнаго, даже не требуетъ никакихъ обѣтовъ; невидимая духовная связь, соединяющая ея членовъ, оказывается настолько крѣпкой, что въ состояніи связать

въ одну семью людей различныхъ національностей, говорящихъ на разныхъ языкахъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіямъ и культурамъ. Другимъ отвѣтомъ на тотъ же вопросъ служитъ большая, блестящая теософическая литература, имѣющая своихъ талантливыхъ представителей во всѣхъ странахъ міра, хотя прошло еще такъ немного времени съ тѣхъ поръ, какъ Е. П. Блаватская заложила фундаментъ этой литературы двумя своими трудами: *Isis Unveiled* (изд. въ 1877 г.) и *Secret Doctrine* (въ 1888⁷ году).

Въ чемъ же сила Теософіи? Приноситъ она новую религію, или какъ нѣкоторые думали, вводитъ къ намъ въ замаскированной формѣ буддизмъ?

Сила ея въ томъ, что она даетъ сокровенныя ученія древнихъ Мудрецовъ, знанія которыхъ обнимаютъ *весь циклъ эволюціи нашей расы до конца*. Вотъ почему она въ состояніи дать отвѣты на всѣ запросы нашего современнаго сознанія, вплоть до мучительныхъ загадокъ жизни и смерти, которыя стояли до сихъ поръ неразрѣшенными передъ человѣческимъ сознаніемъ. Я не могу вдаваться въ изложеніе самихъ ученій, но могу указать интересующимся на обширную теос. литературу, которая разрабатываетъ со всѣхъ сторонъ отдѣльныя положенія древней Мудрости; давъ себѣ трудъ и время, читатель имѣетъ полную возможность провѣрить мои слова. Прибавлю лишь нѣсколько словъ для тѣхъ, которые—по недоразумѣнію—могутъ подумать, что Теософія зоветъ человѣчество назадъ, въ его младенческое состояніе.

Да, она зоветъ его назадъ, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ каждый человѣкъ возвращается къ тѣмъ высокимъ истинамъ, которыя онъ въ дѣтствѣ воспринималъ безсознательно, отъ которыхъ въ молодости отступалъ потому, что онѣ были слишкомъ глубоки для него, которыя позднѣе пропускалъ черезъ критическую оцѣнку, а въ зрѣломъ возрастѣ принималъ уже сознательно и добровольно. Каждый законченный эволюціонный циклъ обѣгаетъ такой полный кругъ и наше сознаніе близится къ тому, чтобы обойти свой полный кругъ и, послѣ огромнаго опыта, растянувшагося на многія тысячелѣтія, прошедшаго черезъ многія цивилизаціи, черезъ восхожденія и паденія, расцвѣтъ и утомленіе,—повернуть назадъ къ исходной точкѣ своего отправленія и слиться съ ней, но уже *сознательно и добровольно*.

Въ заключеніе, мнѣ хотѣлось указать на тѣ результаты миссіи Е. П. Блаватской, которые успѣли уже обнаружиться. За послѣдніе два десятилѣтія всѣ интересующіеся Индіей наблюдаютъ различные признаки пробужденія среди кореннаго населенія Индіи и небывалое прежде стремленіе къ объединенію. Совершенно непричастные къ Теософіи наблюдатели, стоящіе на противоположномъ полюсѣ мысли, и тѣ

соглашаются, что въ подкладкѣ современнаго движенія въ Индіи лежитъ недавно возникшая тенденція къ религіозному объединенію. Въ жизни Индіи религія играла всегда первенствующую роль; множество сектъ и подраздѣленій, на которыя разбились шесть основныхъ религіозныхъ системъ браманизма, и распаденіе буддизма на сѣверный и южный отдѣлы, поддерживали духъ разъединенія въ средѣ Индусовъ. Поворотъ къ единству и толчокъ къ внутреннему возрожденію, о которомъ сейчасъ упомянуто, былъ данъ впервые Е. П. Блаватской, ея обнародованіемъ *общаго встѣмъ расколовшимся религіознымъ вѣрованіямъ еди-наго эзотерическаго начала* и ея энергичной пропагандой—совмѣстно съ Генри Олькоттомъ—религіознаго объединенія Индіи. Покойный президентъ Теософическаго Общества былъ выдающійся организаторъ; онъ чрезвычайно удачно работалъ среди Индусовъ въ пользу названнаго единства, создалъ много школъ, гдѣ обученіе велось въ томъ же духѣ, собралъ множество драгоценныхъ манускриптовъ, которые благодарные Индусы не переставали приносить въ даръ теософической библіотекѣ, и неумоимо популяризировалъ красоту и высокій идеализмъ древнихъ религіозныхъ ученій Индіи.

Подъемъ религіознаго сознанія, который былъ вызванъ этимъ непривычнымъ для Индусовъ любовнымъ вниманіемъ къ ихъ духовнымъ сокровищамъ, продолжается и до сихъ поръ, а за послѣдніе годы возрожденіе древне-индусской самобытности приняло очень широкіе размѣры благодаря неумоимой дѣятельности настоящаго президента Теософическаго Общества, г-жи Безантъ; ея стремленія направлены къ тому, чтобы положить въ основу воспитанія индусскаго юношества лучшіе завѣты древней Индіи, и съ этой цѣлью она создала нѣсколько коллѣджей, въ которыхъ индусскіе юноши знакомятся съ неисчерпаемыми богатствами древне-арійской религіозной мысли.

Возрожденіе древняго Востока и пробудившійся на Западѣ интересъ къ его духовнымъ сокровищамъ сыграетъ великую роль въ ближайшемъ будущемъ и поможетъ человѣческому сознанію подняться на высшую ступень.

Трудно даже представить себѣ всѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ сліянія широкихъ объединяющихъ идей древняго Востока съ точнымъ анализомъ европейскаго Запада, его высокаго научнаго развитія съ глубиной религіознаго сознанія древности.

Начало этого сліянія совершается на нашихъ глазахъ благодаря эзотерическимъ ученіямъ, которыя Е. П. Блаватская принесла западному міру, какъ даръ отъ древняго Востока.

Ученія эти, которыя на современномъ языкѣ вѣрнѣе всего назвать религіозно-научнымъ синтезомъ, приводятъ въ гармонію всѣ сто-

роны человѣческой жизни, согласуя матерьяльныя задачи человѣка съ его духовными запросами.

А кто станетъ отрицать, что самая повелительная задача нашего времени, отъ вѣрнаго рѣшенія которой зависитъ все будущее человѣчества, есть приведеніе въ гармонію этическихъ проблемъ съ проблемами социальными, нравственного идеала человѣка съ его жизненной практикой?

Вся сила Теософіи и состоитъ въ томъ, что ея ученія въ состояніи разрѣшить эту задачу, *не убивая земныхъ интересовъ*. Теософія должна стать впереди человѣческой мысли потому, что она соединяетъ въ себѣ всю полноту опыта современнаго Запада и древняго Востока, полный кругъ сознанія арійскихъ народовъ, какъ религіознаго, такъ и научнаго, дающаго въ соединеніи—*Мудрость*.

Если спросятъ, почему именно Е. П. Блаватская была избрана для такой высокой миссіи? Потому, что она одна изъ всѣхъ современниковъ обладала соединеніемъ той тонкой психической организаціи, которая необходима для общенія на высшихъ ступеняхъ сознанія, и тѣхъ нравственныхъ качествъ, безъ которыхъ великія духовныя задачи не могутъ быть доведены до конца. Она обладала исключительной отзывчивостью на духовныя вліянія и въ то же время могучей волей и необыкновенной силой терпѣнія; пламенный энтузіазмъ и преданность идеѣ, которой она служила, соединялись въ ней съ безграничнымъ самоотверженіемъ; вотъ что давало Еленѣ Петровнѣ Блаватской право на ея высокое полномочіе и на глубокую благодарность всѣхъ, кто зналъ и понималъ ее.

Е. П.

Драгоценные камни Востока.

(Genis of the East).

(Изреченія, собранныя Е. П. Блаватской.)

Встань! Проснись!

Ищи Учителя! Бодрствуй и жди! Путь узокъ, какъ лезвіе ножа, и трудно ступать по нему! Но кто разъ Его увидѣлъ, Его, Которому нѣтъ имени, Который невидимъ, неосязаемъ, безплотенъ, неизмѣненъ, непостижимъ, безъ начала и безъ конца, выше высоты и глубже глубины, тотъ—спасенъ. Смерть не имѣетъ больше власти надъ нимъ.

Тайна смерти (Катопанишадъ).